

КРИСТОФЕР
ИШЕРВУД

Труды и дни мистера Норриса
Прощай, Берлин

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Кристофер Ишервуд

**Труды и дни мистера
Норриса. Прощай, Берлин**

«Издательство АСТ»

1935, 1939

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ишервуд К.

Труды и дни мистера Норриса. Прощай, Берлин / К. Ишервуд — «Издательство АСТ», 1935, 1939 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-121683-2

В этот сборник вошли классические романы «берлинского» периода творчества Кристофера Ишервуда «Труды и дни мистера Норриса» и «Прощай, Берлин». Сюжет романа «Прощай, Берлин» лег в основу сценария бродвейского мюзикла «Кабаре» и культового одноименного фильма Боба Фосса с Лайзой Минелли в главной роли. Берлин перед приходом к власти нацистов. Здесь пока еще бурлит знаменитая на всю Европу ночная жизнь, рыдает джаз, горят огни кабаре и клубов. Здесь пока еще царят вольные нравы, процветают авантюристы всех мастей и пороки всех окрасов и реки алкоголя текут меж кокаиновых берегов. Здесь пока еще идут настоящие уличные бои между «красными» и «коричневыми», и никому не дано знать, каким будет завтрашний день. И молодые англичане – герои обоих романов Ишервуда – расширенными от наивного изумления глазами наблюдают за пестрым калейдоскопом удивительных лиц и событий, даже не представляя себе, как скоро придет конец этому странному, обаятельному и причудливому декадентскому миру...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121683-2

© Ишервуд К., 1935, 1939

© Издательство АСТ, 1935, 1939

Содержание

Труды и дни мистера Норриса[1]	7
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	28
Глава пятая	37
Глава шестая	44
Глава седьмая	52
Глава восьмая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Кристофер Ишервуд Труды и дни мистера Норриса. Прощай, Берлин

Christopher Isherwood
MR. NORRIS CHANGES TRAINS
GOODBYE TO BERLIN

© Christopher Isherwood, 1935, 1939
© Перевод. А.В. Курт, 2019
© Перевод. В.Ю. Михайлин, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Труды и дни мистера Норриса¹

Посвящается У. Х. Одену

Глава первая

Мне с самого начала показалось, что глаза у него необычайного светло-голубого оттенка. На несколько ничего не значащих секунд они встретились с моими, пустые и с явственной ноткой страха. Это странное сочетание тревоги, невинности и порока всколыхнуло во мне смутное воспоминание о каком-то нелепом происшествии, совершенно вылетевшем у меня из памяти; кажется, я был тогда в четвертом старшем² и дело было в классной комнате. Это были глаза школьника, которого поймали с поличным на мелкой шкоде. Хотя, насколько я мог судить, ни на чем таком я его не поймал, вот разве что он думал в этот момент о чем-то неподобающем; может быть, ему показалось, что я умею читать мысли. Во всяком случае, он, кажется, не видел и не слышал, как я потянулся к нему через все купе – из своего угла в его собственный, – потому что при звуке моего голоса он вздрогнул, да так резко, что эта его нервическая реакция ударила меня, как отдача охотничьего ружья. И я инстинктивно отшатнулся.

Впечатление было точь-в-точь такое, как если бы мы столкнулись на улице лбами. Мы оба смутились, готовые рассыпаться во взаимных извинениях. Я улыбнулся, изо всех сил пытаюсь его успокоить, и повторил свой вопрос:

– Прошу прощения, сэр, у вас не найдется спички?

Но даже и теперь он не ответил сразу. Казалось, он что-то наскоро прикидывает в уме, а тем временем его нервно подрагивающие пальцы вцепились в жилет и разыграли целый каскад неуверенных, суетливых жестов. Исходя из общего смысла этой пантомимы, можно было с равной степенью вероятности предположить, что он вот-вот разденется, или достанет револьвер, или же просто решил проверить, не украл ли я у него бумажник. Затем краткий приступ ажитации прошел, и взгляд стал ясным: так исчезает мимолетное облачко, оставив за собой чистое голубое небо. До него наконец дошло, чего я, собственно, от него хочу:

– Ах да. Э – конечно. Разумеется.

Он осторожно дотронулся кончиками пальцев до левого виска, кашлянул и вдруг – улыбнулся. Улыбка у него была совершенно очаровательная.

– Само собой, – повторил он. – С превеликим удовольствием.

Изящным движением двумя пальцами он порылся в жилетном кармашке дорогого на вид костюма из мягкой серой ткани и выудил золотую зажигалку. Руки у него были белые, маленькие и очень ухоженные.

Я предложил ему сигарету.

– Э – благодарю вас. Премного благодарен.

– Сначала вы, сэр.

– Нет-нет. Прошу вас.

Крошечный огонек зажигалки задрожал между нами, мимолетный, как воцарившаяся в купе душноватая атмосфера, результат нашей чрезмерной вежливости. Единственный неловкий жест, единственный выдох – и огонек погаснет; одно неосторожное слово – и атмосфера исчезнет без следа. Сигареты задымились, обе. Мы оба откинулись на спинки сидений, каж-

¹ Перевод В. Ю. Михайлина.

² То есть в четвертом классе старшей школы, что примерно соответствует выпускному классу в российской школьной системе. (Здесь и далее примеч. перев.)

дый на своем месте. Незнакомец по-прежнему не слишком-то спешил мне доверять: кто знает, не зашел ли он слишком далеко, не окажусь ли я на поверку занудой, а то и просто жуликом. Робкая его душа в любой момент была готова скрыться. А я, в свою очередь, ничего не взял почитать. И провидел впереди семь или восемь часов глухого молчания. Я решительно настроился на беседу:

– Вы не знаете, в котором часу мы будем на границе?

Позже, вспоминая об этом разговоре, я никак не мог понять, что в этом вопросе было такого необычного. Да меня и в самом деле совершенно не интересовал ответ; я всего лишь хотел спросить о чем-нибудь, с чего можно начать разговор и в чем нельзя было бы при этом заподозрить ни дерзости, ни излишнего любопытства. Однако действие на незнакомца мой вопрос произвел прелюбопытнейшее. Мне определенно удалось разжечь в нем интерес к своей персоне. Он окинул меня долгим подозрительным взглядом, и черты его лица едва заметно затвердели. Это был взгляд игрока в покер, которому внезапно приходит в голову, что у противника на руках флеш-рояль и что теперь вести себя придется крайне осторожно. Наконец он ответил, медленно и тщательно подбирая слова:

– Боюсь, что точно вам сказать не смогу. Но, должно быть, где-нибудь через час.

Его взгляд, на секунду потерявший былую напряженность, опять потемнел. Его явно мучила какая-то крайне неприятная мысль, и он даже чуть-чуть отдернул голову, как от назойливой осы. А потом вдруг добавил с неожиданно прорезавшейся сварливой интонацией:

– Эти мне границы... такое ужасное неудобство.

Я был не совсем уверен, как мне следует на это реагировать. У меня промелькнула мысль: а что, если он состоит членом какой-нибудь умеренной интернационалистической организации, вроде Союза Лиги Наций. Я решил рискнуть:

– Давно пора от них избавиться.

– Совершенно с вами согласен. Давно пора.

В искренности его реакции сомневаться не приходилось. У него был крупный, туповатый и мясистый нос и подбородок, который, казалось, привычно съехал на сторону – как сломанная гармоника-концертина. Когда он начинал говорить, подбородок выписывал самые немыслимые фигуры, а на щеке возникала глубокая, сложной конфигурации ямочка, похожая на шрам. В сравнении с румяными щеками лоб был мраморно-белым, как у античной статуи; на лбу лежала замысловато выстриженная темно-русая с проседью челка: тяжелая, компактная и плотная. Приглядевшись повнимательней, я с немалым интересом обнаружил, что он носит парик.

– А в особенности, – я поспешил развить успех, – ото всех этих бюрократических формальностей: проверки паспортов и тому подобного.

Стоп. Все назад. По выражению его лица я сразу понял, что затронул какую-то новую, весьма тревожную ноту. Мы говорили на схожих, но по сути разных языках. Впрочем, на сей раз в реакции незнакомца элемент недоверия отсутствовал совершенно. С обезоруживающей миной неприкрытой, искренней заинтересованности он спросил:

– А у вас когда-нибудь бывали с этим сложности?

Станным мне показался не столько сам вопрос, сколько та интонация, с которой он был задан. Дабы не выказать удивления, я улыбнулся:

– Да нет конечно. Наоборот. Они ведь чаще всего даже не дают себе труда открыть багаж; что же до паспорта, они туда вообще едва заглядывают.

– Везет же некоторым.

Все, что я подумал по этому поводу, должно быть, достаточно ясно отразилось на моем лице, и он спешно добавил:

– Я знаю, оно, конечно, нелепо с моей стороны, но я совершенно не переношу, когда меня принимают за теребить, поднимать с места – обыскивать...

– Что ж тут такого? Прекрасно вас понимаю.

Я улыбнулся еще раз, мне показалось, я понял, что к чему. Старичок всего лишь навсего – невиннейшим образом – пытался провезти какую-нибудь копеечную контрабанду. Отрез шелка жене или другу – коробочку сигар. А теперь, естественно, перепугался. На вид он был достаточно состоятельным человеком, чтобы заплатить любую пошлину за что угодно. Впрочем, у богатых свои причуды.

– Так значит, вы в первый раз едете через эту границу? – спросил я тоном добродушным и покровительственным. Я не дам ему упасть духом, а если дело примет нежелательный оборот, подскажу какую-нибудь подходящую к случаю ложь, способную смягчить сердце таможенника.

– Нет, в последние годы – нет. Обычно я езжу через бельгийскую границу. В силу ряда причин. Н-да.

Выражение лица у него снова сделалось несколько отсутствующим, он помолчал и с мрачным видом поскреб подбородок. Потом внезапно что-то заставило его вспомнить о моем присутствии:

– У меня такое впечатление, что на данной стадии нашего с вами знакомства мне следует представиться. Артур Норрис, джентльмен. Или удобнее будет сказать: человек со средними? – Он нервически хихикнул, но тут же испугался и вскинулся. – Нет-нет, я вас умоляю, не нужно вставать!

Но мы сидели слишком далеко друг от друга, чтобы обменяться рукопожатием, не поднимаясь с места. Компромиссным решением стал обмен полупоклонами сидя, от пояса.

– Меня зовут Уильям Брэдшоу, – сказал я.

– Боже правый, а вы по случайности не из саффолкских Брэдшоу?

– В общем, да. До войны мы жили неподалеку от Ипсуича.

– Да что вы говорите? В самом деле? Одно время я частенько наезжал к миссис Хоуп-Лукас. У нее было славное такое имение возле Мэтлока. А до замужества она была Брэдшоу.

– Да, совершенно верно. Это моя прабабушка Агнес. Она умерла лет семь назад.

– Правда? Боже мой. Какая жалость... Конечно, мы с ней приятельствовали, когда я был еще совсем молодым человеком; а она была, скажем так, дамой средних лет. В общем, речь идет о девяносто восьмом годе.

Тем временем я потихоньку разглядывал его парик. Мне еще ни разу не доводилось видеть такой тонкой работы. На затылке, где он постепенно переходил в собственные волосы мистера Норриса, разглядеть границу было совершенно невозможно. Вот разве что пробор сразу бросался в глаза, но даже и он, на расстоянии трех-четырех ярдов, вполне прошел бы не слишком строгую призывную комиссию.

– Н-да, ничего не скажешь, – вздохнул мистер Норрис. – Боже мой, до чего тесен мир.

– С матушкой моей вы, конечно, не знакомы? А с дядей, адмиралом?

Я смирился с необходимостью поиграть в игру под названием «найди общих знакомых», скучную, но невзыскательную, которая могла длиться часами. Я уже видел в перспективе целую череду обязательных ходов – дядюшек, тетюшек, кузенов, их владений и свадеб, завещаний, закладных и купчих. Затем переход к частной школе и университету, обязательно сравнить впечатления о качестве еды, обменяться анекдотами о преподавателях, знаменитых матчах и состязаниях по гребле. Все было расписано вплоть до мельчайших подробностей, до интонации.

Но, к моему немалому изумлению, мистер Норрис, как выяснилось, вовсе не горел желанием играть в эту игру. Он торопливо ответил:

– Нет, боюсь, что нет. После войны я как-то растерял связи со своими английскими друзьями. По большей части приходилось жить за границей.

Он сказал «за границей», и мы оба автоматически посмотрели в окно. Голландия скользила мимо легко, как послеобеденный сон: плоский заболоченный пейзаж с бесшумным электропоездом, идущим по насыпи вдоль канала.

– Вы хорошо знаете здешние места? – спросил я. С тех пор как я заметил парик, у меня отчего-то уже не получалось называть его «сэр». К тому же, если он носил его нарочно, чтобы казаться моложе, было бы откровенной бестактностью с моей стороны настойчиво подчеркивать разницу в возрасте.

– Я довольно хорошо знаком с Амстердамом, – мистер Норрис быстрым нервическим движением потер подбородок. Это было нечто вроде тика: потереть подбородок и открыть при этом рот, словно ощерившись, но без всякой свирепости в выражении лица – как старый лев в зоопарке. – Н-да уж, довольно хорошо.

– Хотел бы я там побывать. Должно быть, тихое и мирное местечко.

– Совсем наоборот. Уверяю вас, это один из самых опасных городов Европы.

– В самом деле?

– Да-да. Я ужасно привязан к Амстердаму и тем не менее всегда говорил: ему присущи три губительнейших недостатка. Начнем с того, что лестницы во многих домах уж такие крутые, что нужно быть профессиональным скалолазом, чтобы взбираться на них, не рискуя при этом схватить инфаркт или свернуть себе шею. Во-вторых, мотоциклисты. Они в буквальном смысле слова наводняют город и, кажется, считают делом чести ездить по улицам без какого бы то ни было уважения к человеческой жизни. Не далее как сегодня утром я буквально чудом избежал смерти. А в-третьих, там ведь каналы. Летом, знаете ли... такая антисанитария. Ну то есть полнейшая антисанитария. Я вам передать не могу, чего я только там не перенес. Каждую неделю – ангина, как будто по расписанию.

К тому времени как мы добрались до Бентгейма, мистер Норрис успел прочесть целую лекцию об основных неудобствах главнейших европейских городов. Прежде всего меня поразила широчайшая география его путешествий. Он страдал от ревматизма в Стокгольме и от сквозняков в Каунасе; в Риге он скучал, в Варшаве с ним обошлись в высшей степени неуважительно, в Белграде он не сумел отыскать своего излюбленного сорта зубной пасты. В Риме ему досаждали насекомые, в Мадриде – нищие, в Марселе – клаксоны такси. В Бухаресте у него был неприятнейшего рода опыт с ватерклозетом. Константинополь он находил дорогим и безвкусным. Единственные два города, к которым он относился в высшей степени одобрительно, были Париж и Афины. Афины в особенности. В Афинах он отдыхал душой.

Поезд остановился. Бледные, плотного телосложения мужчины в синих мундирах вышагивали по платформе с той смутно зловещей неспешностью, которая вообще свойственна должностным лицам на приграничных станциях. Что-то в них было от тюремных надзирателей. Складывалось впечатление, что никто из нас дальше не едет. В дальнем конце коридора эхом отдался голос: «*Deutsche Pass-Kontrolle*».

– Наверное, – светски улыбаясь, сказал мистер Норрис, – одно из самых светлых моих воспоминаний связано с бесцельными утренними прогулками по всем этим чудным старым улочкам за храмом Тесея.

Нервничал он страшно. Его ухоженная белая рука безостановочно теребила на мизинце кольцо с печаткой; беспокойные голубые глаза то и дело бросали быстрые взгляды в коридор. Голос сделался фальшивым; пронзительный, исполненный натужного игривого веселья, он более всего был похож на голос персонажа из довоенной салонной комедии. Говорил он очень громко, настолько, что его наверняка было слышно в соседнем купе:

– Там постоянно натыкаешься, причем совершенно неожиданно, на самые что ни на есть удивительные уголки. Одинокая колонна, которая возвышается посреди груды мусора...

– *Deutsche Pass-Kontrolle*. Приготовьте, пожалуйста, паспорта.

В дверном проеме нашего купе появился человек в мундире. При звуке его голоса мистер Норрис вздрогнул – не сильно, но вполне заметно. Стараясь дать ему побольше времени на то, чтобы совладать с нервами, я торопливо протянул чиновнику свой паспорт. Как и следовало ожидать, он едва на него взглянул.

– Я еду в Берлин, – сказал мистер Норрис, с очаровательной улыбкой вручая чиновнику паспорт; очаровательной настолько, что она изрядно проигрывала в естественности. Чиновник никак на нее не отреагировал. Буркнув в ответ что-то невнятное, он продолжал с видимым интересом листать паспорт, а потом вынес его в коридор, встал поближе к окну и стал рассматривать страницы на свет.

– Весьма примечательно, – беззаботным тоном продолжил мистер Норрис, обращаясь к мне, – что во всей классической литературе вы не найдете ни единого упоминания о холме Ликабет.

Я был просто поражен, увидев, в каком он состоянии; пальцы у него дрожали, голос, казалось, вот-вот выйдет из-под контроля. На мраморно-белом лбу выступили бисеринки пота. Если именно это он имел в виду, когда говорил о том, что не любит, когда его начинают «теребить», если всякий раз, обходя служебные инструкции, он впадал в такую же панику, то облысеть он мог еще в молодости – от одних только нервов. Он бросил в коридор быстрый, совершенно отчаянный взгляд. Подошел еще один чиновник. Повернувшись к нам спиной, они принялись изучать паспорт уже вдвоем. Откровенно героическим усилием воли мистер Норрис умудрился не сбиться с беззаботной интонации разговорчивого гида.

– Насколько нам известно, в древности там должны были кишмя кишеть волки.

Паспорт перекечевал в руки второго чиновника, и тот взял его с таким видом, будто вот-вот готов был унести паспорт с собой. Его коллега сверился с маленькой, черной, изрядно замусоленной записной книжкой. Потом поднял голову и отрывистым тоном спросил:

– В настоящий момент вы проживаете на Курбьештрассе, 168?

На секунду мне показалось, что вот сейчас мистер Норрис упадет в обморок.

– Э – да... так точно...

Как птичка перед коброй, он был не в силах оторвать от своего мучителя беспомощного и замороженного взгляда. Он словно ждал, что его арестуют прямо здесь и сейчас. В действительности же ничего подобного не случилось, чиновник сделал в блокнотике отметку, еще раз что-то буркнул и, повернувшись на каблуках, прошел к следующему купе. Его коллега отдал паспорт мистеру Норрису, сказал: «Благодарю вас, сэр», вежливо козырнул и ушел вслед за первым.

Мистер Норрис с глубоким вздохом опустился на жесткую деревянную скамью. С минуту казалось, что он не в состоянии вымолвить ни слова. Вынув большой, белого шелка платок, он принялся вытирать им лоб, старательно избегая касаться краев парика.

– Я прошу прощения, но не будете ли вы так добры открыть окно, – неверным голосом наконец сказал он. – Как-то здесь сделалось ужасно душно, ни с того ни с сего.

Я поспешил выполнить его просьбу.

– Может быть, чего-нибудь вам принести? – спросил я. – Стакан воды?

Он слабым жестом отмахнулся от моего предложения:

– Весьма любезно с вашей стороны... Нет, не надо. Я через минуту приду в себя. Сердце у меня уже не то.

Он вздохнул:

– Староват я стал для такого рода приключений. Все эти переезды... ничего хорошего.

– Знаете, зря вы все это принимаете так близко к сердцу. – В тот момент я сильнее, чем когда-либо, чувствовал, что должен защитить его, уберечь от всех возможных неприятностей. Эта преданная готовность подставить плечо, которую он с такой подозрительной легкостью во

мне пробудил, станет подспудным лейтмотивом всех наших дальнейших с ним отношений. – Нельзя же так расстраиваться из-за пустяков.

– И это вы называете пустяками! – он вскинулся в довольно жалкой пародии на возмущение.

– Конечно. Как и следовало ожидать, все уладилось буквально за пару минут. Он просто спутал вас с кем-то другим, с однофамильцем.

– Вы в самом деле так думаете? – Ему совершенно по-детски хотелось, чтобы его утешили, уверили в том, что все хорошо.

– А у вас есть другое объяснение?

Мистер Норрис, судя по всему, не был в этом уверен.

– Ну, что же – э – вы, вероятно, правы, – с сомнением в голосе сказал он.

– К тому же дело-то обычное. Самых добропорядочных людей принимают за известных на весь мир похитителей бриллиантов. Их раздевают и обыскивают с ног до головы. Удивительно, как с вами не проделали того же самого!

– Ну у вас и шуточки! – хихикнул мистер Норрис. – От одной только мысли о чем-то подобном всякий порядочный человек должен стыдливо зардеться.

Мы рассмеялись оба. Я был рад, что мне настолько легко удалось его приободрить. Но, боже мой, подумал я, что же с ним будет, когда объявится таможенник? Если мои подозрения насчет контрабандных подарков родным и близким были верны, то истинная причина его беспокойства крылась именно здесь. Маленькое недоразумение с паспортным контролем совершенно выбило его из колеи: соответственно таможенник должен довести его в буквальном смысле слова до сердечного приступа. Я уже начал подумывать о том, чтобы поднять нужную тему и предложить ему перепрятать контрабанду в мой чемодан; но он, казалось, пребывал в настолько счастливом неведении относительно грядущих бед, что у меня попросту не хватило духу его тревожить.

Я ошибся. Таможенный досмотр, когда дело дошло до него, для Норриса, казалось, был чистой воды удовольствием. Он не подал ни малейшего признака беспокойства; да и среди его багажа не обнаружилось ничего, что подпадало бы под таможенные ограничения. Он бегло говорил по-немецки, он смеялся и шутил с таможенниками по поводу большого флакона духов Коти:

– Да-да, уверяю вас, исключительно для моего личного пользования. Я не расстался бы с ним ни за какие сокровища. Давайте-ка я капну вам на носовой платок. Такой восхитительный аромат, такой освежающий.

Но вот наконец все осталось позади. Поезд, неторопливо постукивая колесами, въехал в Германию. По коридору, названивая в маленький гонг, прошел стюард из вагона-ресторана.

– А теперь, дорогой мой мальчик, – сказал мистер Норрис, – после всех этих тревог и треволнений и вашей более чем своевременной моральной поддержки, за которую я вам настолько благодарен, что словами этого просто не выразишь, я надеюсь, вы окажете мне честь и позволите угостить вас ленчем.

Я поблагодарил его и принял приглашение.

Как только мы успели поуютнее расположиться в вагоне-ресторане, мистер Норрис немедленно заказал себе рюмочку коньяка:

– Вообще-то я взял себе за правило никогда не пить перед едой, но бывают такие случаи, когда сама ситуация прямо-таки вызывает к необходимости пропустить по маленькой.

Подали суп. Он съел одну ложку, а потом подозвал официанта и обратился к нему с мягким упреком.

– Вы, конечно, согласитесь со мной, что здесь слишком много лука? – спросил он с самой искренней тревогой в голосе. – Не могли бы вы в виде исключения оказать мне любезность? Я бы хотел, чтобы вы сами его попробовали.

– Слушаюсь, сэр, – сказал официант, страшно, к слову сказать, занятый, и, с видом одновременно высокомерным и почтительным, тут же унес тарелку.

Мистер Норрис был искренне обижен:

– Нет, вы видели? Он не стал пробовать суп. Он не захотел признаться в том, что суп приготовлен не так. Боже мой, какие твердолобые порой попадаются люди!

Однако буквально через несколько минут он уже и думать забыл об этом маленьком разочаровании в человеческой природе. И с величайшим вниманием принялся изучать карту вин:

– Так, поглядим... Поглядим... Как вы смотрите на то, чтобы рискнуть и заказать рейнвейн? Не против? Имейте в виду, чистой воды лотерея. В поездках всегда нужно рассчитывать на худший из возможных вариантов. Но думаю, мы все-таки рискнем. Как вы считаете?

Рейнвейн был подан и оказался превыше всяческих похвал. Такого славного рейнвейна мистер Норрис, по его словам, не пробовал с тех пор, как обедал в прошлом году со шведским посланником в Вене. А еще были почки, его излюбленное блюдо.

– Надо же, – с видимым удовольствием заметил он, – а я, оказывается, всерьез проголодался... Если хотите попробовать настоящие почки, езжайте в Будапешт. Для меня это было просто откровением... Надо сказать, эти тоже приготовлены превосходно. Вы со мной согласны? Поистине превосходно. Поначалу мне показалось, что я распробовал этот противный красный перец, но, видимо, просто разыгралось воображение. – Он подозвал официанта:

– Вы не могли бы передать шефу мое искреннее восхищение и сказать, что с таким изумительным обедом его можно только поздравить? Благодарю вас. А теперь принесите-ка мне сигару.

Принесенные сигары долго обнюхивались и взвешивались между большим и средним пальцем. Наконец мистер Норрис выбрал самую крупную на всем подносе:

– Как, дорогой мой мальчик, вы не курите сигар? Нет, вы положительно должны попробовать. Ну что ж, может быть, вам в таком случае свойственны какие-то другие пороки?

К этому времени он пребывал уже в самом радужном расположении духа.

– Надо заметить, чем старше я становлюсь, тем больше ценю маленькие радости жизни. Я уже давно взял себе за правило путешествовать исключительно первым классом. Стоит того. С вами здесь обращаются с куда большей предупредительностью. Взять хотя бы сегодняшний день. Если бы я не сидел в купе третьего класса, им бы и в голову не пришло меня потревожить. Вот вам немецкий чиновник, от и до. «Нация офицеров запаса» – кажется, так их кто-то назвал? Прямо-таки не в бровь, а в глаз! До чего же верно...

Потом какое-то время мистер Норрис молча ковырял в зубах.

– Мое поколение привыкло воспринимать роскошь с эстетической точки зрения. Однако после войны люди как-то изменили свое к ней отношение. Теперь по большей части роскошь стала просто вопиющей. Удовольствия вкушаются примитивно, грубо. Вы не находите? Порой и сам начинаешь ощущать некоторое чувство вины: столько кругом страданий, опять же безработица. В Берлине в этом отношении очень худо. Очень... впрочем, вы и сами наверняка все знаете. Я, со своей стороны, делаю, конечно, все, что могу, но это же капля в море. – Мистер Норрис вздохнул и дотронулся губами до салфетки. – А мы здесь с вами купаемся в роскоши. Сторонники общественных реформ, вне всякого сомнения, нас бы за это осудили. Но тем не менее, если подумать, не пользуйся люди вагоном-рестораном, весь здешний обслуживающий персонал тоже вынужден был бы жить на пособие по безработице... Боже, боже мой. Жизнь в наши дни – такая сложная штука.

Расстались мы на вокзале Цоо. Мистер Норрис долго держал мою руку, невзирая на толкотню прибывших с нашим поездом пассажиров.

– *Auf Wiedersehen*, дорогой мой мальчик. *Auf Wiedersehen*. Прощаться не стану, потому что надеюсь увидеться с вами в самом ближайшем будущем. Все те маленькие неудобства, которые мне пришлось пережить в этой ужасной поездке, с лихвой компенсированы величай-

шим удовольствием от знакомства с вами. А теперь скажите, не согласились бы вы выпить со мной чаю, у меня на квартире, где-нибудь на этой неделе? Что, если в субботу? Вот моя карточка. Пожалуйста, не откажите.

Я пообещал, что приду.

Глава вторая

В квартире у мистера Норриса были две парадные двери. И стояли они бок о бок. В обеих были проделаны маленькие круглые глазки, и на обеих красовались отполированные до блеска ручки и медные таблички. На левой табличке было выгравировано: *Артур Норрис. Частная квартира*. На правой: *Артур Норрис. Экспорт и импорт*.

После секундной нерешительности я нажал на кнопку у левой двери. Звонок прозвучал неожиданно резко и громко; его наверняка нельзя было не услышать даже в самой отдаленной части квартиры. И тем не менее ничего не произошло. За исключением самого звонка, я не услышал изнутри ни звука. Я как раз собирался нажать на кнопку еще раз, когда вдруг заметил, что кто-то смотрит на меня через дверной глазок. Было ясно, что наблюдают за мной уже не первые две секунды. Я растерялся и совершенно не знал, что мне делать дальше – не то поиграть с глазком в гляделки, не то просто-напросто сделать вид, что ничего не заметил. Я с нарочитым видом принялся разглядывать потолок, пол, стены; затем, как бы невзначай, пробежался взглядом по двери, чтобы убедиться, что глаз исчез. Ничего подобного. Разозлившись, я повернулся к двери спиной. Прошла минута, не меньше.

Потом наконец щелкнул замок, и я обернулся – но открылась не левая дверь, а правая, *Экспорт и импорт*. На пороге стоял молодой человек.

– Могу я видеть мистера Норриса? – спросил я.

Молодой человек окинул меня подозрительным взглядом. Глаза у него были водянистого светло-желтого цвета и прыщавая, похожая на вчерашнюю кашу, кожа. Голова была большая и круглая, и она как-то не слишком удачно сидела на его невысоком полном теле. На нем была элегантная пиджачная пара и лакированные туфли. На вид он мне совершенно не понравился.

– Вам назначено?

– Так точно, – сказал я тоном как нельзя более резким.

И тут же на лице у молодого человека заиграла масляная улыбка:

– Ах да, вы, должно быть, мистер Брэдшоу? Если позволите, один момент.

И, к полному моему удивлению, он захлопнул дверь у меня перед носом только для того, чтобы секундой позже появиться в левой двери и отступить в сторону, приглашая меня войти. Его поведение показалось мне тем более удивительным, что, едва ступив через порог, я тут же заметил: та часть прихожей, которая относилась к *Частной квартире*, была отделена от *Экспорта и импорта* всего лишь тяжелой, плотно задернутой шторой.

– Мистер Норрис просил передать вам, что он выйдет буквально сию же минуту, – сказал большеголовый молодой человек, неслышно ступая по толстому ковру на самых кончиках своих туфель. Говорил он еле слышно, так, словно боялся, что нас могут подслушивать. Он открыл передо мной дверь просторной гостиной, молча усадил на стул и исчез.

Оставшись в одиночестве, я озадаченно огляделся вокруг. Мебель, ковер, цветовая гамма были подобраны со вкусом. Но в целом комната выглядела как-то бесхарактерно. Она была похожа на сценическую декорацию или витрину стильного мебельного магазина: элегантно, дорого, без каких бы то ни было излишеств. Честно сказать, мистер Норрис виделся мне на фоне куда более экзотическом; ему бы подошла какая-нибудь китайщина с алыми и золотыми драконами.

Двери молодой человек за собой не закрыл. Я услышал, как где-то совсем рядом, буквально за ближайшим косяком, он сказал, судя по всему, в телефонную трубку: «Этот джентльмен, он уже здесь, сэр». И тут же, из-за двери с противоположной стороны гостиной, ему ответил голос мистера Норриса, причем слышимость была даже более отчетливой, чем в первом случае: «В самом деле? Благодарю вас».

Меня разбирал смех. Эта маленькая комедия была настолько нелепой и неуместной, что за ней мерещилось нечто едва ли не злое. Секундой позже в комнату вошел сам мистер Норрис, нервически потирая наманикюренные ручки:

– Ах, дорогой мой мальчик, какая честь! Я несказанно рад приветствовать вас под сенью моей скромной обители.

«А выглядит-то он так себе», – подумал я. Сегодня у него в лице не было давешнего розоватого отлива, а под глазами залегли круги. Он на секунду присел в кресло, но тут же вскочил, как будто не мог остановиться на одной какой-то позе. Парик у него, судя по всему, тоже был другой, поскольку у этого крепления были видны ясно, как божий день.

– Вы, наверное, хотели бы взглянуть на квартиру? – спросил он, нервически дотронувшись до висков кончиками пальцев.

– Да, конечно, – я удивленно улыбнулся в ответ, ибо на повестке дня у мистера Норриса явно было что-то более спешное и значимое, чем мой визит. Он суетливо подхватил меня под локоть и повлек за собой к двери в противоположной стене, из-за которой сам же появился не далее чем минуту назад.

– Да-да, сперва сюда.

Но мы едва успели сделать несколько шагов, как из прихожей послышались громкие голоса.

– Нет, нельзя. Никак невозможно, – донесся голос молодого человека, который впустил меня в квартиру. И незнакомый, громкий и сердитый голос ответил:

– Врешь, мерзавец! А я тебе говорю, что он здесь!

Мистер Норрис остановился, как подстреленный.

– О господи! – одними губами прошелестел он. – О господи!

В тревоге и замешательстве он застыл посреди комнаты, так, будто отчаянно пытался решить для себя, в какую сторону ему бежать. Его ладошка у меня на локте сжалась сильнее – он не то искал поддержки, не то просил меня его не выдавать.

– Мистер Норрис не вернется до позднего вечера, – в голосе у молодого человека звякнул металл, извиняющихся ноток не стало совершенно. – И ждать его вам не имеет никакого смысла.

Судя по всему, он стоял теперь несколько ближе, может быть, прямо за дверью гостиной, загораживая проход. В следующий миг дверь гостиной тихо притворили снаружи, и в замочной скважине шелкнул ключ. Нас заперли.

– Он там, в комнате! – во весь голос и с явной угрозой выкрикнул незнакомец. Послышалась какая-то возня, а затем звук тяжелого удара, как если бы молодого человека с силой швырнули о дверь. Этот последний звук вывел мистера Норриса из ступора. Одним-единственным, на удивление проворным движением он утянул меня за собой в смежную комнату. Там мы и остановились, прямо за дверью, в любой миг готовые к дальнейшему отступлению. Дыхание у него стало тяжелым и прерывистым.

Тем временем незнакомец тряс дверь в гостиную так, словно пытался сорвать ее с петель.

– Ах ты, чертов мошенник! – жутким голосом орал он. – Ну погоди у меня; ну я до тебя доберусь!

Все это было так необычно, что я совершенно забыл испугаться, хотя в человеке за дверью вполне можно было предположить пьяного или буйнопомешанного. Я вопросительно взглянул на мистера Норриса, и тот шепотом поспешил меня успокоить:

– Мне кажется, он сейчас уйдет.

Более всего меня поразило то обстоятельство, что, хотя он и был откровенно напуган, сама эта сцена его ничуть не удивила. Он ответил мне так, словно речь шла о каком-нибудь не слишком приятном, но в то же время вполне заурядном явлении природы – к примеру, о грозе со шквалом. В глазах у него было беспокойное выражение человека, которому есть

чего опасаться и который поэтому всегда начеку. Рука его лежала на дверной ручке, готовая захлопнуть дверь при малейшем намеке на реальную угрозу.

Однако мистер Норрис все-таки не ошибся. Незнакомец вскоре устал ломиться в дверь гостиной. Отпустив финальный залп чисто берлинских ругательств, голос удалился. Секундой позже мы услышали, как с оглушительным грохотом захлопнулась входная дверь.

Мистер Норрис облегченно перевел дух.

– Я знал, что надолго его не хватит, – удовлетворенно заметил он. Он не глядя вынул из кармана конверт и принялся им обмахиваться. – Так это некстати, – проворчал он. – Такое впечатление, что некоторые люди не имеют представления о каких бы то ни было манерах... Мальчик мой, я вынужден самым искренним образом извиниться за это такое беспокойство. Уверю вас, я даже и предположить не мог...

Я рассмеялся:

– Все в порядке. Было даже забавно.

Мистеру Норрису это, похоже, польстило:

– Я страшно рад, что вы не приняли это близко к сердцу. Не так уж и много найдется людей вашего возраста, свободных от этих нелепых буржуазных предрассудков. Я чувствую, у нас с вами много общего.

– Да, наверное, – ответил я, не слишком, правда, понимая, о каких конкретных предрассудках идет речь и какое они могут иметь отношение к сердитому незнакомцу за дверью.

– Поверьте моему опыту, за всю мою долгую и не лишённую разного рода событий жизнь я не встречал человека, который по своей совершенно непроходимой тупости мог бы сравниться с мелким берлинским лавочником. Заметьте, я ничего не говорю о здешних солидных фирмах. Они-то по большей части ведут себя вполне разумно – более или менее...

Его, похоже, потянуло на откровения, и разговор мог бы и впрямь получиться не лишённым интереса, если бы не щелкнул замок и на пороге гостиной не появился большеголовый молодой человек. Вид его, казалось, совершенно прервал течение мысли мистера Норриса. Манера у него тут же сделалась какой-то расплывчато-угодливой, было такое впечатление, что нас с ним застали с поличным на каком-то странном и совершенно недопустимом с точки зрения общественной морали деянии и извиниться, замаять возникшую неловкость можно только путем строжайшего следования нормам этикета.

– Позвольте представить: герр Шмидт – мистер Брэдшоу. Герр Шмидт – мой секретарь и моя правая рука. Вот только в нашем случае, – мистер Норрис нервно хихикнул, – поверьте мне, правая рука прекрасно отдает себе отчет в том, что творит левая.

То и дело нервически покашливая в кулачок, он попытался перевести шутку на немецкий. Герр Шмидт, который шутки явно не понял, даже и не пытался сделать вид, что ему смешно. Однако тут же отпустил в мою сторону эту такую доверительную ухмылочку, словно приглашая разделить его презрительно-покровительственное отношение к претензиям работодателя на юмор. На улыбку я не ответил. Шмидт мне был откровенно антипатичен. Он это понял; и мне понравилось, что он это понял.

– Могу я пару минут поговорить с вами наедине? – спросил он у мистера Норриса тоном, откровенно рассчитанным на то, чтобы задеть меня. Его галстук, пиджак и воротничок были безупречны. Я не смог заметить ни малейшего следа той взбучки, которую он, видимо, только что получил.

– Да-да. Э – да, конечно. Разумеется. – Тон у мистера Норриса был несколько обиженный, но вполне смиренный. – Мой дорогой мальчик, вы простите меня – всего на одну минуту? Терпеть не могу заставлять гостей ждать, но дело такое, что совершенно не терпит отлагательств.

Он поспешил через гостиную и исчез за третьей по счету дверью со Шмидтом в кильватере. Шмидт, естественно, собирался посвятить его в детали скандала. Я начал было подумывать о возможности подслушать их беседу, но потом отказался от этой затеи, как от слишком

рискованной. Когда-нибудь, когда я узнаю мистера Норриса ближе, я так или иначе все из него вытяну. Мистер Норрис не производил впечатления человека скрытного.

Я огляделся и обнаружил, что комната, в которой я все это время простоял, была спальней. Она была не очень велика и занята почти без остатка двуспальной кроватью, объемистым шкафом и изящной работы туалетным столиком с трельяжем – на столике по росту выстроились бутылочки с духами, лосьонами, антисептическими средствами, баночки питательных и увлажняющих кремов в количестве достаточном, чтобы составить ассортимент приличного парфюмерного магазина. Я поспешно открыл ящик стола. Там не было ничего, кроме двух палочек губной помады и карандаша для бровей. Прежде чем я успел продолжить поиски, в гостиной отворилась дверь.

В спальню суетливо вбежал мистер Норрис.

– А теперь, после столь прискорбной интерлюдии, давайте продолжим наш эксклюзивный тур по личным апартаментам Его Величества. Прямо перед вашими глазами – мое скромное непорочное ложе; мне прислали его из Лондона по специальному заказу. Немецкие кровати всегда казались мне до смешного мелкотравчатыми. Самые лучшие во всей Англии спиральные пружины, мой мальчик. Как вы наверняка уже заметили, я в достаточной степени консервативен, чтобы хранить верность английским простыням и одеялам. От этих немецких мешков с перьями меня мучают кошмары.

Говорил он быстро, изо всех сил стараясь казаться оживленным, но я сразу понял, что разговор с секретарем произвел на него самое тягостное впечатление. Судя по всему, лишний раз возвращаться к визиту незнакомца было бы сейчас совершенно неуместно. Мистер Норрис самым явственным образом давал понять, что не желает говорить на эту тему. Выудив из жилетного кармана ключик, он открыл шкаф и распахнул передо мною дверцы:

– Сколько себя помню, я всегда придерживался правила: на каждый день недели у меня должен быть свой костюм. Вам это может показаться пижонством, но если бы вы только знали, как много значило для меня – в самые критические минуты – ощущать, что я одет в полном соответствии с внутренним настроением. Мне кажется, весьма немаловажный фактор, если вы хотите быть уверены в себе.

За спальней настала очередь столовой.

– Обратите внимание на стулья, – сказал мистер Норрис и добавил, к некоторому моему удивлению, – смею вас уверить, что этот гарнитур был оценен в четыре тысячи марок.

Из столовой мы прошли по коридору на кухню, где меня представили суровому на вид молодому человеку, который как раз заваривал чай.

– Это Герман, мой мажордом. Был у меня давным-давно, еще в Шанхае, один китайчонок, так вот эти двое делят между собой звание лучшего повара, который когда-либо у меня служил.

– А что вы делали в Шанхае?

На лице у мистера Норриса появилось неопределенное выражение:

– Хм. А что вообще делают люди, оказавшись в том или ином месте? Наверное, можно сказать, что я ловил рыбку в мутной воде. Н-да... Заметьте, речь в данном случае идет о тысяча девятьсот третьем годе. Мне говорили, что сейчас там все перевернулось до неузнаваемости.

Мы вернулись в гостиную; за нами с подносом шел Герман.

– Такие нынче времена, – изрек мистер Норрис, приняв чашку чая, – тебе мешают жить, а ты мешаешь ложечкой чай.

Я неловко улыбнулся. И только некоторое время спустя, узнав его получше, я понял, что такого рода замшелые шутки (у него их был целый репертуар) вовсе и не были предназначены для того, чтобы кого бы то ни было смешить. Они всего лишь входили на правах неперменных составных частей в тот или иной из его маленьких повседневных ритуалов. Вовремя не сказать подобающую к случаю шутку было бы все равно что совершить бестактность – скажем, забыть поблагодарить человека, который оказал тебе любезность.

Отправив положенный ритуал, мистер Норрис погрузился в молчание. Его, должно быть, сильно тревожила недавняя неприятная сцена. Как обычно, когда меня предоставляли самому себе, я принялся разглядывать его парик. Должно быть, я уставился на него совсем уж невежливо: мистер Норрис внезапно вскинул глаза и перехватил мой взгляд. И весьма удивил меня, спросив просто и прямо:

– Что, съехал?

Я покраснел как рак и совершенно потерялся:

– Разве что самую малость.

И тут я прыснул со смеху. Вернее, рассмеялись мы оба. В ту минуту я готов был броситься ему на шею. Мы наконец-то озвучили эту тему, и облегчение было столь глубоким и взаимным, что более всего мы походили на парочку, только что признавшуюся друг другу в любви.

– Надо бы чуть-чуть его поправить, влево, – сказал я и с готовностью протянул руку. – Позвольте, я...

Но тут я, похоже, все-таки перегнул палку.

– Боже мой, оставьте! – выкрикнул мистер Норрис, невольно отпрянув назад. Через миг он снова взял себя в руки и страдальчески мне улыбнулся: – Боюсь, что в данном случае речь идет об одном из тех – э – таинств туалета, с которыми лучше иметь дело в тиши будуара. Прощу меня простить.

– Боюсь, что этот сидит не самым лучшим образом, – продолжил он, вернувшись через несколько минут из спальни. – Мне он никогда особо не нравился. Он у меня проходит по второму, так сказать, разряду.

– А сколько их у вас в таком случае?

– В общей сложности три, – мистер Норрис принялся разглядывать ногти на руках: скромная гордость владельца.

– И подолгу они служат?

– Как ни жаль, но хватает их – всего ничего. Мне приходится покупать себе новый примерно каждые восемнадцать месяцев, а денег они стоят просто немыслимых.

– Сколько примерно, если не секрет?

– От трехсот до четырехсот марок. – Информация, судя по его тону, была вполне серьезная и даже деловая. – Мастер, который их для меня делает, живет в Кёльне, и мне приходится лично ездить к нему на примерки.

– Этакое, должно быть, для вас неудобство.

– И не говорите.

– А можно еще один вопрос? Как вы умудряетесь делать так, чтобы они с вас не падали?

– Тут есть такой маленький кусочек клейкой ленты, – мистер Норрис понизил голос до шепота, так, словно речь шла о величайшей в мире тайне. – Прямо вот здесь.

– И – неужели этого достаточно?

– Для обычной повседневной носки и тряски – вполне. Хотя вынужден признаться, бывали в моей пестрой жизни такие моменты, при воспоминании о которых меня бросает в дрожь, такие моменты, когда, можно сказать, все было потеряно.

После чая мистер Норрис провел меня в свой кабинет, который как раз и находился за третьей ведущей из гостиной дверью.

– Здесь у меня хранятся несколько весьма ценных книг, – сказал он мне. – Несколько книг более чем *занятных*.

Тон у него сделался жеманным и многозначительным. Я на-гнулся, чтобы прочесть названия на корешках: «Девчонка с золотым хлыстом», «Камера пыток мисс Смит», «Заточенный в женской гимназии, или Интимный дневник Монтегю Доусона, флагелланта». Так я получил первое беглое представление о сексуальных пристрастиях мистера Норриса.

– Когда-нибудь я покажу вам и другие сокровища из моей коллекции, – игриво добавил он, – когда буду в достаточной степени в вас уверен.

Он провел меня через всю квартиру в маленький деловой кабинет. Именно здесь, дошло до меня, и ожидал мистера Норриса его непрошенный визитер, когда пришел я. Комнатка выглядела до странности голой. Стол, стул, картотечный шкафчик и на стене большая карта Германии. Шмидт как будто испарился.

– Мой секретарь как раз вышел, – объяснил мистер Норрис, с явной неприязнью оглядывая стены кабинета: судя по всему, эта комната навевала на него не самые приятные мысли. – Понес машинку к мастеру почистить. Ему об этом как раз и нужно было со мной поговорить, когда он меня отозвал.

Эта ложь была настолько бессмысленной, что я воспринял ее едва ли не как оскорбление. Конечно, я не рассчитывал на какое бы то ни было доверие с его стороны, но все-таки не стоило обращаться со мной как с недоумком. Окончательно избавившись от каких бы то ни было комплексов по поводу неуместных тем, я самым что ни на есть инквизиторским тоном спросил:

– А что вы, собственно, импортируете и экспортируете?

Он улыбнулся, лицемерно и вкрадчиво. Сбить его с толку оказалось не так-то просто.

– Дорогой мой мальчик, чего я только в свое время *не* экспортировал? Мне кажется, я вполне могу сказать, что экспортирую все, что только – э – годится на экспорт.

Профессиональным жестом агента по недвижимости он вытянул один из картотечных ящичков:

– Кстати, обратите внимание, последняя модель.

Ящичек был девственно пуст.

– Назовите хоть что-нибудь конкретное, что идет у вас на экспорт, – с улыбкой настаивал я.

Мистер Норрис сделал вид, что задумался.

– Часы, – наконец сказал он.

– И куда же вы их экспортируете?

Быстрым нервическим движением он потер себе подбородок. На сей раз мой допрос все-таки достиг своей цели. Он занервничал и даже слегка разозлился:

– Право, мальчик мой, если вам угодно вдаваться в технические детали, вам придется поговорить с моим секретарем. У меня просто нет времени во все это вникать. Всю самую – э – грязную, так сказать, работу я полностью переложил на его плечи. Да-да...

Глава третья

Через несколько дней после Рождества я позвонил Артуру (мы уже успели перейти на имена) и предложил провести *Silvesterabend*³ вместе.

– Дорогой мой Уильям, ну конечно же, я буду просто счастлив. В высшей степени... Другой такой очаровательной и приятной во всех отношениях компании, чтобы отметить наступление этого в высшей степени зловещего Нового года, я и представить себе не могу. Я бы пригласил вас отобедать со мной, но, к сожалению, у меня уже назначена встреча. Ну и где же, по вашему мнению, нам лучше всего встретиться?

– Как насчет «Тройки»?

– Прекрасно, мальчик мой, прекрасно. Я полностью вверяю себя в ваши руки. Боюсь, что среди такого количества юных лиц я буду чувствовать себя несколько не к месту. Старый пень, одной ногой в могиле... И никто не скажет: «Нет же, нет!» Никто не скажет. Сколь жестоко-сердна молодость. Что ж, ладно. Такова жизнь...

Если уж Артур начал изливать по телефону душу, остановить его не было никакой возможности. Чаще всего в таких случаях я просто клал трубку на несколько минут на стол, зная, что когда я опять поднесу ее к уху, он будет все так же безостановочно тараторить на том конце провода. Однако сегодня у меня был ученик, который ждал урока английского языка, так что мне пришлось прервать Артура самым невежливым образом:

– Ну, значит, договорились. В «Тройке». В одиннадцать.

– Самое удобное для меня время. А я тем временем постараюсь не есть лишнего, пораньше лечь спать и вообще как смогу приготовлюсь к целой ночи *Wein, Weib und Gesang*.⁴ В особенности в том, что касается *Wein*. Благослови вас Бог, мой мальчик. До свиданья.

Вечером под Новый год я поужинал дома с домохозяйкой и с остальными жильцами квартиры. В «Тройку» я, очевидно, приехал уже будучи изрядно пьян: у меня отложилось в памяти, что я очень удивился, когда, глянув ненароком в зеркало в гардеробной, обнаружил у себя на лице накладной клоунский нос. В ресторане было не протолкнуться до такой степени, что разницы между танцующими и теми, кто просто стоял в проходах, не было практически никакой. Некоторое время порыскав по залу, я в конце концов обнаружил в дальнем углу Артура. С ним за столиком сидел еще один господин, несколько младше его, с моноклем и набриолиненными темными волосами.

– Ах, Уильям, вот и вы. А мы-то уже начали было беспокоиться, что вы нас надули. Позвольте мне представить друг другу двух моих самых близких друзей: мистер Брэдшоу – барон фон Прегниц.

Барон, человек светский и скользкий, склонил голову. Выгнувшись в мою сторону, более всего похожий в этой позе на выпрыгнувшую из воды треску, он спросил:

– Извините, вы хорошо знаете Неаполь?

– Нет. Ни разу там не был.

– Прошу прощения. Ошибся. У меня было такое чувство, что мы с вами уже где-то встречались.

– Не исключено, – вежливо ответил я, удивляясь про себя, как он может улыбаться и не ронять при этом монокля. Монокль был без ленточки и без оправы и выглядел так, как будто его ввинтили в розовое, гладко выбритое лицо барона путем какой-то кошмарной хирургической операции.

– Тогда, может быть, вы были в прошлом году в Жуан-ле-Пен?

³ Канун Нового года (нем.).

⁴ Вина, женщин и песен (нем.).

– Нет, боюсь, что нет.

– Ага, понятно, – вежливая улыбка сожаления. – В таком случае, прошу меня извинить.

– Какие пустяки, – сказал я. Мы оба рассмеялись самым сердечным образом. Артур, который, кажется, был рад, что я произвел на барона благоприятное впечатление, тоже к нам присоединился. Я единым махом опрокинул в себя бокал шампанского. Оркестрик из трех музыкантов играл: «*Gruss' mir mein Hawaii, ich bleib' Dir treu, ich hab' Dich gerne*».⁵ Танцующие, столпившись под огромным закрепленным под потолком навесом, который тихо поблескивал в восходящих потоках нагретого и прокуренного воздуха, раскачивались в медленном, полупаралитическом ритме.

– Вы не находите, что здесь немного душновато? – с беспокойством спросил Артур.

В витринах за стойкой стояли подсвеченные снизу бутылки с разноцветными напитками, фуксиновые, вермильоновые, изумрудные. Казалось, они освещали собой весь зал. Табачный дым ел глаза, и по щекам у меня потекли слезы. Музыка то пропадала, то вдруг начинала звучать неестественно громко. Я провел рукой по клеенчатой драпировке алькова у себя за спиной и удивился, до чего она прохладная на ощупь. Лампы были похожи на колокольчики альпийских коров. А над стойкой бара, на самом верху, сидела лохматая белая обезьяна. Еще чуть-чуть, еще один глоток шампанского, ровно один глоток – и на меня снизойдет озарение. Я сделал глоток. И тут же с необычайной ясностью, без злобы, без страсти, понял, что такое жизнь. Помню только, что она имела какое-то отношение к блестящему, медленно поворачивающемуся вокруг своей оси навесу под потолком. «Да, – прошептал я сам себе, – пускай себе танцуют. Они танцуют. Я рад».

– Знаете, а мне здесь нравится. Просто невероятно, – с восторгом сообщил я барону. Он вроде бы совсем не удивился.

Артур с торжественным видом сдержал отрывку.

– Дорогой Артур, ну зачем вы такой печальный. Устали?

– Нет, Уильям, не устал. Может быть, просто немного задумался. В подобных ситуациях есть своя торжественная нотка. Вы, молодежь, имеете полное право радоваться жизни. Веселитесь, я ни на минуту вас не осуждаю. Но всякому человеку есть что вспомнить.

– Воспоминания – самое главное наше богатство, – одобрительно промолвил барон. Он тоже был сильно пьян, и с лицом у него начали понемногу происходить какие-то сложные структурные изменения. Вокруг монокла образовалось нечто вроде легкого локального паралича. Только благодаря моноклю его лицо до сей поры умудрилось сохранить форму. И он удерживал его в глазнице отчаянным напряжением лицевых мышц, задрав не занятую в деле бровь, перекосив уголки рта: вдоль пробора, между тонких, атласно-гладких волос выступили крохотные бисеринки пота. Перехватив мой взгляд, он поплыл в мою сторону, вынырнув на поверхность той призрачной субстанции, которая нас с ним разделяла.

– Прошу прощения. Вы позволите задать вам вопрос?

– Сколько угодно.

– Вы читали «Винни Пуха» А. А. Милна?

– Читал.

– И, скажите на милость, понравилась вам эта книга?

– Очень.

– В таком случае очень рад. Мне тоже. Очень.

И тут мы все встали. Что случилось? Пробило полночь. Зазвенели бокалы.

– Ваше здоровье, – сказал барон с видом человека, которому удалось к месту вернуть особенно удачную цитату.

⁵ Привет, мой Гавай, я верен тебе, я тебя люблю (нем. диал.).

– Позвольте мне, – сказал Артур, – пожелать вам обоим всяческих благ, успехов и счастья в тысяча девятьсот тридцать первом году. Всяческих благ...

Его голос неловкой нотой повис в тишине. Он нервно пробежал пальцами по краю густой челки на лбу. И тут с жутким грохотом грянул оркестр. Подобно паровозу, который медленно, напрягая все силы, взобрался наконец на самую вершину долгого и многотрудного подъема, мы ринулись очертя голову вниз, в Новый год.

События следующих двух часов сохранились в моей памяти как-то смутно. Мы были в маленьком баре: я помню только, как развевались приклеенные к электрическому вентилятору султаны алого серпантина, ни дать ни взять морские водоросли – очень красиво. Мы бродили по улицам, а на улицах было полным-полно девушек, и они стреляли нам прямо в лицо из хлопушек. Мы ели яичницу с ветчиной в ресторане первого класса на вокзале Фридрихштрассе. Артур куда-то исчез. Барон по этому поводу напускал на себя вид таинственный и лукавый; хотя я никак не мог взять в толк, почему. Он просил, чтобы я называл его Куно, и объяснял, как искренне он восхищается природным английским аристократизмом. Мы ехали в такси вдвоем. Барон рассказывал мне о своем приятеле, юном итонеце. Итонец два года провел в Индии. На следующее утро по возвращении он встретил на Бонд-стрит своего старого школьного друга. Они не виделись бог знает сколько времени, но старый друг сказал ему: «Привет. Боюсь, что не смогу с тобой сейчас поболтать. Обещал маме походить с ней по магазинам» – и больше ничего.

– И знаете, я это нахожу совершенно очаровательным, – подвел черту под историей барон. – Этот ваш знаменитый английский самоконтроль.

Такси оставило позади несколько мостов, потом газовый завод. Барон сжал мою руку и произнес длинную речь о том, как прекрасно быть молодым. Язык у него заплетался, а с английским дела обстояли все хуже и хуже:

– Видите ли, извините меня. Я наблюдал за вашими реакциями весь вечер. Я надеюсь, вы не обижены?

Я отыскал в кармане накладной нос и приладил его на место. В кармане нос слегка помялся. На барона этот мой жест явно произвел впечатление:

– Вы понимаете, для меня это все есть очень интересно.

И тут мне пришлось остановить такси у ближайшего фонаря, чтобы проблеваться.

Мы ехали вдоль высокой темной стены, поверх которой я вдруг ухватил глазом украшенный чугуном литьем крест.

– Господи, – сказал я, – вы что, на кладбище меня везете?

Барон в ответ только улыбнулся. Мы остановились; было такое впечатление, что угла темнее этого не сыскать во всем городе. Я обо что-то споткнулся, и барон услужливо подхватил меня под руку. Ему явно приходилось здесь бывать и раньше. Мы прошли через подворотню во внутренний двор. В нескольких окнах горел свет, слышался смех и обрывки патефонной музыки. В одном из окон на секунду возник силуэт – голова и плечи, проорал: «*Prosit Neujahr!*»⁶ и смачно плюнул. Плевков с тихим влажным звуком приземлился на тротуар прямо у меня под ногами. В других окнах тоже появились головы. «Пауль, свинья этакая, ты, что ли?» – крикнул кто-то. «Рот-Фронт!» – заголосили рядом, и раздался еще один, куда более громкий всплеск. Кажется, на сей раз, подумал я, опорожнились пивную кружку.

Засим настал один из нескольких периодов моей новогодней ночи, проведенных, так сказать, под общим наркозом. Понятия не имею, как барону удалось втащить меня вверх по лестнице. Я никаких трудностей подъема не помню. Мы оказались в комнате, битком набитой какими-то людьми, которые танцевали, кричали, пели, пили, хватали нас за руки и хлопали по спине. Там была огромная кованая газолиновая горелка, переделанная под электрические

⁶ С Новым годом! (нем.)

лампочки и увешанная бумажными гирляндами. Мой взгляд неприкаянно бродил по комнате, запинаясь о слишком большие или, напротив, слишком маленькие предметы – о бадью с крюшомом, в которой плавал спичечный коробок, раздавленную бусинку, бюст Бисмарка на высоком, в готическом стиле буфете, – фиксировал их на долю секунды и снова терял в общей ярко разукрашенной круговерти. Самым удивительным из этих мимолетных видений было видение Артуровой головы с открытым ртом и в съехавшем на левый глаз парике. Я встал, чтобы пойти и поискать к голове тело, и тут же как-то очень уютно упал на диван, схватившись в падении за верхнюю половину барышни и упав лицом в пахнущие пылью кружевные подушечки. Шум вечеринки накатывал на меня с громоподобной ритмичностью океанского прибоя. И обладал довольно странной властью успокоить, убаюкать. «Котик, не спи», – сказала барышня, за которую я зацепился. «А я и не думал», – ответил я, сел и стал приглаживать волосы. И внезапно почувствовал себя совершенно трезвым.

Прямо напротив меня в большом кресле расположился Артур с худой темноволосой девицей на коленях. Вид у девицы был надутый. Пальто и пиджак он снял и выглядел в высшей степени по-домашнему. На нем были веселенькие полосатые подтяжки. Рукава рубашки подхвачены эластическими манжетками. Если не считать легкой поросли у самого основания черепа, он был совершенно лыс.

– Куда вы, черт возьми, его подевали? – воскликнул я. – Вы же простудитесь.

– Я это не сам придумал, Уильям. Но идея довольно изящная, вы не находите? Дань, так сказать, уважения Железному Канцлеру.

Настроение у него было куда более радужным, чем в начале вечера, и, самое странное, он был трезв как стеклышко. Голова у него была крепкая просто на диво. Я глянул вверх и увидел парик, ухарски надетый Бисмарку на шлем. Канцлеру он явно был великоват.

Обернувшись, я обнаружил бок о бок с собой на диване барона.

– Привет, Куно, – сказал я. – А вы как тут оказались?

Вместо ответа он подарил меня лучезарно-несгибаемой улыбкой и отчаянным усилием задрал вверх бровь. Казалось, еще минута – и его не станет. И только после этого выпадет монокль.

Грамофон взревел. Большая часть присутствовавших кинулась танцевать. Была едва ли не сплошь одна молодежь: юноши в рубашках и девицы в расстегнутых платьях. В воздухе висел тяжелый запах пыли, пота и грошовых духов. Сквозь толпу протиснулась невероятных габаритов женщина, в каждой руке – по стакану красного вина. На ней были розовая шелковая блузка и очень короткая белая гофрированная юбка; ноги втиснуты в до смешного миниатюрные туфельки на высоком каблуке, поверх которых пучились наплывы обильной, затянутой в чулки плоти. Восковые розовые щеки и волосы, выкрашенные в цвет фальшивого золота, в тон полудюжине браслетов на голых напудренных руках. Вид у нее был зловещий и странный, как у огромной, в человеческий рост, куклы. И, как у куклы, у нее были совершенно круглые голубые глаза, в которых не было ни капли смеха, несмотря на то что губы она растянула в широкой, сияющей золотыми зубами улыбке.

– Это Ольга, наша хозяйка, – пояснил Артур.

– Привет, Малыш! – Ольга вручила мне стакан. И тут же ущипнула Артура за щеку. – А у тебя, голубчик, как дела?

Жест был настолько безразличный, что мне пришел на ум ветеринар, осматривающий лошадь. Артур хихикнул:

– Не самый уместный эпитет, а, как вам кажется? Голубчик. Что ты на это скажешь, Анни? – обратился он к сидевшей у него на коленях брюнетке. – Какая-то ты сегодня неразговорчивая. Не настроена блистать. Или тебе мешает сосредоточиться присутствие этого крайне привлекательного молодого человека? Уильям, вас, кажется, можно поздравить с победой. Я серьезно.

Анни улыбнулась холодной улыбочкой шлюхи. Потом почесала бедро и зевнула. На ней была прекрасного кроя маленькая черная жакетка и черная юбка. На ногах – высокие черные сапоги, зашнурованные под самое колено, с любопытной золотой окантовкой по верху голенища. Из-за них весь ее костюм приобретал смутное сходство с мундиром.

– Что, понравились Аннины сапожки? – довольным голосом сказал Артур. – Вы еще не видели другой пары. Алая кожа под черный каблук. Я их сам для нее проектировал. На улицу она в них не ходит; говорит, слишком бросаются в глаза. Но иногда, когда она чувствует себя особенно *энергичной*, она их надевает для меня.

Тем временем несколько ближайших к нам пар перестали танцевать. Они сгруппировались вокруг нас, переплетаясь руками, и с наивным, дикарским интересом принялись смотреть Артура в рот, как будто ждали, что оттуда вот-вот примутся высказывать разноцветные слова. Один из молодых людей начал смеяться:

– Я говори ваш англиски, нет?

Рука Артура пустилась в меланхолическое путешествие по бедру Анни. Барышня тут же вскинулась и резким движением с безличной злостью норовистой кошки по ней ударила.

– Ах, лапочка моя, какая ты у нас сегодня *жестокая*! Я понимаю, что за такое поведение непременно должен быть *наказан*. Анни у нас девушка весьма *суровая*. – Артур едва не прыснул со смеху и продолжил по-английски самым что ни на есть светским тоном: – Вам не кажется, что личико у нее изысканно красивое? В своем роде – совершенство. Как Рафаэлева Мадонна. Недавно мне пришел в голову маленький такой каламбур. Я сказал, что красота Анни – это красота *грехо*-римской богини. Надеюсь, хотя бы в этом я был оригинален? Правда? Не слышу вашего смеха.

– Нет-нет, мне действительно понравилось.

– *Грехо*-римская богиня. Рад, что вы оценили. Моя первая мысль была: надо сказать Уильяму. Вы меня положительно вдохновляете. Вы заставляете мой талант блистать ярче. Я всегда говорил: хочу иметь в качестве друзей только три типа людей – тех, кто очень богат, тех, кто очень умен, и тех, кто очень красив. Вы, мой дорогой Уильям, проходите по второй категории.

Я легко догадался, по какой категории проходит барон фон Прегниц, и оглянулся, чтобы проверить, не слышал ли он последней Артуровой фразы. Но барон был занят совершенно другими материями. Он возлежал на дальнем от меня конце дивана в объятиях какого-то могучего, облаченного в боксерский свитер юноши, который методично вливал ему в глотку полную кружку пива. Барон, с головы до ног улитый пивом, слабо протестовал.

Внезапно до меня дошло, что одной рукой я обнимаю девушку. Она уютно устроилась у меня на плече, в то время как с другой стороны некий юноша вполне любительски пытался залезть ко мне в карман. Я открыл было рот, чтобы заявить протест, но потом передумал. Зачем устраивать сцену под занавес такой чудесной ночи? Пускай его угощается моими деньгами. В лучшем случае там осталось марки три. Так или иначе, барон за все заплатит. В этот момент я увидел его лицо с почти микроскопической отчетливостью. Он, как я только что заметил, принимал искусственные солнечные ванны. Вокруг носа у него начала шелушиться кожа. До чего же славный человек барон! Я поднял в его честь стакан. Он блеснул рыбьим глазом у боксера из-под руки и сделал слабое ответное движение головой. Говорить он явно был не в состоянии. Когда я повернулся обратно, Артура и Анни на месте не оказалось.

Со смутным намерением пойти их поискать я нетвердо встал на ноги только для того, чтоб оказаться вовлеченным в разразившуюся тем временем с новой силой танцевальную горячку. Меня обнимали за талию и за шею, меня целовали, тискали, щекотали, меня раздели наполовину; я танцевал с девушками, с юношами, с двумя или тремя партнерами одновременно. До двери в противоположном конце комнаты я добрался минут через пять-десять, не раньше. За дверью оказался темный, хоть глаз коли, коридор, и в дальнем его конце – едва

заметная искра света. Он был настолько плотно заставлен мебелью, что идти можно было только протискиваясь вдоль стен. Я успел, как мог, ощупью, добраться до середины, когда спереди, из освещенной комнаты, донесся отчаянный крик:

– *Nein, nein!* Не надо! О господи! *Hilfe! Hilfe!*⁷

Голос не узнать было невозможно. Они затащили туда Артура и теперь грабили его и били. Мне давно следовало догадаться. Мы с самого начала свалили дурака, что вообще забрели в местечко вроде этого. Винить тут некого, кроме самих себя. Преисполнившись пьяной храбрости, я бросился в конец коридора и распахнул дверь.

Первой, кого я увидел, была Анни. Она стояла в самой середине комнаты. Артур в подобострастной позе скорчился у ее ног. Он успел расстаться еще с несколькими предметами туалета и теперь был одет легко, но вполне добропорядочно, в комплект розово-голубого шелкового нижнего белья, резиновый бандажный пояс и пару носков. В одной руке у него была щетка, а в другой – желтая ветошка для полировки обуви. Над ним нависла Ольга, угрожающе размахивая тяжелым кожаным хлыстом.

– И ты, свинья, называешь это чисткой! – жутким голосом возопила она. – А ну-ка заново, сию же минуту! И если найду хоть пятнышко грязи, так тебя отделаю, что неделю сидеть не сможешь.

И она подкрепила свои слова, крепко вытянув Артура хлыстом по ягодицам. Он взвизгнул от боли и наслаждения и с лихорадочной быстротой принялся надраивать Анни сапоги.

– Простите меня! Простите! – Голос у Артура был пронзительный и радостный, как у играющего ребенка. – Перестаньте! Вы же меня убьете!

– Убить тебя мало, – тут же нашлась Ольга, стеганув его еще раз. – Я шкуру с тебя спущу!

– Ой! Ой! Не надо! Сжальтесь надо мной! Ой!

Шума от них было столько, что они даже не слышали, как я к ним вломился. Но теперь они меня заметили. Мое присутствие ни одного из них нимало не смутило. Более того, к Артуровым играм оно, кажется, добавило лишнюю толику пикантности.

– О боже! Уильям, спасите меня! Не желаете? Вы такой же зверь, как и все они. Анни, любовь моя! Ольга! Вы только посмотрите, что она со мной делает. Бог знает, чего они только надо мной сейчас не сотворят!

– Заходи-заходи, малыш, – с игривостью тигрицы воскликнула Ольга. – Погоди у меня! И до тебя дойдет очередь. Вот тогда ты у меня запоешь!

И она играючи вытянула меня хлыстом, после чего я пулей вылетел в коридор, а вослед мне неслись страдальчески-радостные выкрики Артура.

Несколько часов спустя я проснулся, калачиком свернувшись на полу и уткнувшись лицом в диванную ножку. Вместо головы у меня был паровозный котел – и жуткая ломота во всем теле. Праздник кончился. В разгромленной комнате в самых разных, но равно неудобных позах лежало с полдюжины человек. Сквозь жалюзи светило утро.

Убедившись, что ни барона, ни Артура среди павших нет, я выбрался меж безжизненных тел вон из квартиры, а затем вниз по лестнице, через внутренний двор и на улицу. Дом, казалось, был сплошь населен беспробудными пьяницами. Я не встретил ни единой живой души.

Вышел я в один из закоулков возле канала, неподалеку от станции Мёкленбрюке, примерно в получасе ходьбы от дома. На электричку денег не было. К тому же прогулка должна была пойти мне на пользу. И я неверным шагом двинулся домой по мрачным улицам, где с подоконников и волглых веток деревьев свисали спутанные ленты серпантина. Как только я переступил порог, домохозяйка встретила меня новостью, что Артур звонил уже трижды, интересовался, где я и как себя чувствую.

⁷ Нет, нет!.. Помогите! Помогите! (нем.)

– Я всегда говорила: такой приличный господин. И такой деликатный.
Я согласно кивнул головой и отправился спать.

Глава четвертая

Фройляйн Шрёдер, моя домохозяйка, была от Артура положительно без ума. В телефонных разговорах она неизменно обращалась к нему *Herr Doktor*, что в ее устах представляло собой наивысший возможный знак уважения.

– Ах, это вы, *Herr Doktor*? Ну конечно же я вас узнала; я ваш голос узнаю из миллиона. Только какой-то он у вас нынче утром усталый. Опять вчера вернулись домой за полночь? *Na, na*,⁸ уж меня-то, старуху, вам никак не обмануть; я знаю, что бывает с джентльменами, которые отправятся под вечер покутить... Что вы такое сказали? Как вам не стыдно! Ах вы льстец! Что ж, все вы мужчины одним миром мазаны; от семнадцати и до семидесяти... *Pfui!* Я вам удивляюсь... Да нет, конечно, ничего подобного я делать не стану! Ха-ха! Хотите поговорить с герром Брэдшоу? Да, конечно, а я совсем забыла. Одну минуту, я его сейчас позову.

Когда Артур заходил ко мне на чай, фройляйн Шрёдер надевала черное бархатное платье с низким вырезом и нитку вулвортских⁹ жемчужин. Она выходила открыть ему дверь, с нарумяненными щеками и подведенными глазами, этакой карикатурой на Марию Шотландскую. Как-то раз я обратил внимание Артура на это сходство, и он пришел в восторг:

– Право, Уильям, какой вы недобрый. Вам пальца в рот не клади. Я начинаю всерьез опасаться вашего язычка, нет, в самом деле.

После этого случая он, говоря о фройляйн Шрёдер, почти неизменно упоминал о ней как о «Ее Величестве». Другим излюбленным эпитетом была *La Divine*¹⁰ Шрёдер.

Как бы он ни спешил, у него всегда находилось время, чтобы пару минут пофлиртовать с ней; он покупал ей цветы, сигареты и сладости, он сопереживал малейшим недомоганиям ее чахлого кенаря Ханса. Когда в конце концов Ханс умер и фройляйн Шрёдер лила по нему слезы, мне показалось, что и Артур тоже вот-вот расплчется. Он был самым искренним образом расстроен. «Боже, боже мой, – повторял он. – Какая жестокая штука природа».

Остальным моим друзьям Артур понравился гораздо меньше. Я представил его Хелен Пратт, но знакомство как-то сразу не заладилось. В те времена Хелен состояла берлинской корреспонденткой одного из лондонских политических еженедельников и подрабатывала переводами и уроками английского языка. Иногда мы с ней передавали друг другу учеников. Миловидная и хрупкая на вид блондинка, а по сути настоящий кремьень, она была выпускницей Лондонского университета и относилась к сексу всерьез. Как дни, так и ночи она привыкла проводить в сугубо мужском обществе, и общество дамское было, с ее точки зрения, ненужным излишеством. Она могла перепить на спор едва ли не любого из английских журналистов и время от времени так и делала, но скорее из принципа, нежели удовольствия для. При первом же знакомстве она с ходу начинала звать тебя по имени и сообщала о том, что ее родители торгуют в Шепердз-Буш табаком и сладостями. Это у нее называлось «проверкой», и от результатов оной, то есть от вашей непосредственной реакции, зависело ее дальнейшее к вам отношение: вы либо оказывались в числе ее друзей, либо же сразу могли катиться ко всем чертям. И прежде прочего Хелен терпеть не могла, когда ей напоминали о том, что она женщина: постель не в счет.

Я слишком поздно сообразил, что Артур совершенно не приспособлен к общению с такого рода женщинами. Она буквально с первой минуты откровеннейшим образом его напугала. Одним мановением руки она смела все те маленькие, отполированные до блеска формы вежливости, благодаря которым ему удавалось уберечь от синяков и ссадин свою нежную душу.

⁸ Здесь: ладно, ладно (нем.).

⁹ То есть купленных в «Вулворте» – сети дешевых английских универмагов.

¹⁰ Божественная (фр.).

– А, привет, ребята, – сказала она, небрежно протянув нам руку поверх газеты. (Мы договорились встретиться в маленьком ресторанчике, сразу за Мемориальной церковью.)

Артур осторожно взял протянутую руку. И замешкался у стола в ожидании привычного ритуала. Ничего не произошло. Он прочистил горло, кашлянул:

– Вы не разрешите присесть?

Хелен, которая как раз собралась зачесть нам что-то вслух, глянула на него так, словно уже успела забыть о его существовании, а теперь вдруг с удивлением обнаружила, что он все еще здесь.

– А в чем, собственно, дело? – спросила она. – Что, стульев не хватает?

Каким-то образом разговор зашел о берлинской ночной жизни. Артур захихикал и сделался игрив. Хелен, мыслившая в категориях статистики и психоанализа, взидала на него с этаким гадливым недоумением. Наконец Артур отпустил нечто лукавое относительно «особого ассортимента „Западного Кауфхауса“».

– А, так вы об этих шлюхах из дома на углу, – сказала Хелен бодрым и прозаическим тоном классной наставницы, дающей урок биологии, – которые рядятся в сапоги со шпорами, чтобы возбудить фетишистов?

– Хм, да уж, право, ха-ха, я вам доложу, – Артур хихикнул, кашлянул и быстрым движением дотронулся до парика, – нечасто мне приходилось встречать столь, если вы мне позволите так выразиться, столь, э-э – *продвинутую*, или, я бы даже сказал, э-э – столь *современную* юную леди...

– Бо-оже! – Хелен запрокинула голову и неприятнейшим образом расхохоталась. – Меня никто не называл юной леди с тех самых пор, как я по воскресеньям после обеда помогала матушке по магазину.

– А давно вы – э-э – в этом городе? – быстро спросил ее Артур. Смутно отдавая себе отчет в том, что совершил какой-то промах, он решил, что должен поменять тему. Я заметил взгляд, которым подарила его Хелен, и понял, что все кончено.

– Хочешь совет? – спросила меня Хелен Пратт в следующий раз, как мы с ней увиделись. – Я бы на твоём месте не доверяла этому типу ни вот настолько.

– А я и не доверяю, – ответил я.

– Ну да, а то я тебя не знаю. Ты же как все мужики, существо мягкотелое. Придумываешь себе о людях невесть что, вместо того чтобы принимать их такими, какие они есть. Ты на рот его хоть раз обращал внимание?

– Неоднократно.

– Бр-р, гадость какая. Меня просто с души воротило каждый раз, как гляну. Гадкий такой и вялый, как у жабы.

– Ну, – рассмеялся я, – может быть, у меня к жабам слабость.

Неудача меня не слишком обескуражила, и я решил испробовать Артура на Фрице Венделе. Фриц был германо-американец, этакий молодой повеса, проводивший все свободное время в дансингах и за бриджем. У него была необычайная страсть к обществу художников и писателей, и он приобрел в их глазах некоторый вес благодаря тому, что стал работать на модного торговца живописью. Галерейщик ничего ему не платил, но Фриц, будучи человеком богатым, вполне мог позволить себе такое хобби. Его любовь к сплетням могла сравниться только с его же собственным умением разыскивать для них материал, и при других обстоятельствах из него вышел бы первоклассный частный сыщик.

Фриц пригласил нас обоих к себе домой на чашку чая. Они с Артуром поговорили о Нью-Йорке, о живописи импрессионистов и о неопубликованных текстах людей, близких к Уайльду. Артур блистал остроумием и оказался человеком необычайно информированным. Черный глаз Фрица блестел всякий раз, как он отмечал для себя очередную эпиграмму – глядишь, пригодится, – а я не мог сдержать улыбки, довольной и гордой, ибо чувствовал лич-

ную ответственность за успех этой встречи. Мне по-детски хотелось, чтобы Артур понравился, произвел впечатление; может быть, оттого, что и сам я, в свою очередь, нуждался в каких-то окончательных для себя доказательствах.

Мы распрощались, пообещав друг другу непременно свидеться в самом ближайшем будущем. Через пару дней я случайно встретил Фрица на улице и по той радости, с которой он бросился мне навстречу, сразу понял, что он припас для меня какую-нибудь редкостную гадость. С четверть часа он весело трепался о бридже, о ночных клубах и о своем наиновейшем предмете страсти – известной в городе скульпторше; и при каждом воспоминании о том пикантном блюде, которое он оставил напоследок, его ехидная улыбка делалась все шире и шире. Наконец, он разродился:

– Кстати, ты давно видел своего приятеля, Норриса?

– Да не так чтобы очень, – ответил я. – А что?

– Да нет, ничего, – подчеркнуто медленно произнес Фриц, нахально глядя мне прямо в глаза. – Просто я бы на твоём месте был поосторожнее.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Мне тут про него рассказывали довольно странные вещи.

– Да неужели?

– Конечно, очень может быть, что и наврали. Ты же знаешь, как верить людям.

– И знаю, как ты людей слушаешь, Фриц.

Он ухмыльнулся, я ничуть его не задел:

– В общем, поговаривают, что этот твой Норрис – не более чем дешёвый мелкий жулик.

– Ну, знаешь, я бы не сказал, что «дешёвый» – это самый подходящий для него эпитет.

Фриц улыбнулся, этак терпеливо и свысока:

– Ты, наверное, будешь очень удивлен, если узнаешь, что он уже успел побывать в тюрьме?

– То есть ты хочешь сказать: я должен удивиться тому обстоятельству, что твои друзья *говорят*, что он сидел в тюрьме. Да ничуть. Твои друзья ещё и не такого могут наговорить.

Фриц не ответил. Он просто стоял и улыбался.

– И за что же, интересно знать, его, с их точки зрения, посадили? – спросил я.

– Не знаю, – все так же медленно процедил Фриц. – Но кажется, могу себе представить.

– А я не могу.

– Послушай, Билл. – Тон у него вдруг сделался совершенно серьёзным. Он положил мне руку на плечо. – В общем, я хочу сказать, что дело в следующем. Оно, конечно, если речь идет о нас с тобой, нам на все это плевать, какого, в самом деле, черта? Но есть же вокруг и другие люди, о которых тоже приходится думать, разве не так? Вот представь, что будет, если Норрис зацепит какого-нибудь парня и вытрясет из него все на свете, до последнего цента?

– Это будет ужасно.

Фриц сдался. Его последний залп звучал так:

– Ну что ж, не говори потом, что я тебя не предупреждал.

– Нет, Фриц, что ты. Ни за что.

Расстались мы друзьями.

Возможно, Хелен Пратт была насчет меня не так уж и не права. Понемногу, шаг за шагом, я выстроил для Артура романтические декорации и ревниво следил за тем, чтобы никто их ненароком не опрокинул. По большому счету мне даже нравилось рядить его – про себя – в костюм опасного преступника; впрочем, всерьез я ни на минуту в эту бредовую идею так и не поверил. Все мое поколение – поколение снобов, вот только вместо аристократа мы воздвигли на пьедестал криминальную личность. А еще я привязался к Артуру из чистого упрямства. Если моим друзьям не нравится его рот или его прошлое, тем хуже для них; меня же грела

мысль, что сам я, несомненно, глубже, человечней, чем они, и куда лучше разбираюсь в тонкостях людской природы. И если иногда, в письмах в Англию, я отзывался о нем как о «прелюбопытнейшем старом жулике», это свидетельствовало только лишь о желании как-то его приукрасить; сделать из него человека дерзкого и уверенного в себе, расчетливого, но способного при этом на самые безудержные порывы. Каковыми качествами он в действительности очевиднейшим и мучительнейшим образом не обладал.

Бедный Артур! Редко мне доводилось встречать на своем веку человека с такими слабыми нервами. По временам мне даже начинало казаться, что он страдает какой-то слабой формой мании преследования. Я и сейчас отчетливо вижу перед собой его фигуру: он ждет меня в укромном уголке своего любимого ресторана, усталый, отрешенный, беспокойный; руки заученно-небрежным движением легли на колени, голова склонилась набок, неловко, под таким странным углом, как будто он к чему-то прислушивается, как будто в любой момент готов вздрогнуть от близкого звука удара. Я слышу его голос: он говорит по телефону, осторожно подбирая слова, прижав трубку как можно ближе к губам и – едва ли не шепотом.

– Алло. Да, это я. Так значит, вы видели эту партию? Прекрасно. Так – когда мы с вами сможем встретиться? Давайте в обычное время, в доме заинтересованного лица. И пожалуйста, попросите того, другого господина тоже туда прийти. Нет-нет. Герра Д. Это чрезвычайно важно. Всего доброго.

Я рассмеялся:

– Вас послушать: ни дать ни взять – заправский конспиратор.

– Да-да, вот только *брат* меня не стоит, – хихикнул Артур. – Да нет, уверяю вас, дорогой мой Уильям, противоправное деяние, о котором только что шла речь, заключается всего лишь в акте продажи кое-какой старой мебели, в каковой сделке я по чистой случайности оказался – э – материально заинтересован.

– Тогда чего, спрашивается, ради такой режим секретности?

– Ну, никогда не знаешь, кто может тебя подслушать.

– Да кто бы вас ни подслушал, неужели вы думаете, что это кому-то может быть интересно?

– В наши дни лишние меры предосторожности еще никому не вредили, – туманно резюмировал Артур.

К этому времени я уже успел взять у него и прочесть практически все его «занятные» книги. Дрянь по большей части была еще та. Повествование велось в неожиданно ханжеском, снобистски-жеманном, будто нарочно рассчитанном на мелких лавочников тоне, и в самых ключевых местах авторы, несмотря на искренние потуги на непристойность, впадали в совершеннейшую расплывчатость, что раздражало страшно. Кроме прочего, у Артура был полный комплект «Моей жизни и моих любовей», надписанный автором. Я спросил его, был ли он знаком с Фрэнком Харрисом.¹¹

– Да, отчасти. Мы с ним не виделись несколько лет. Когда я узнал, что он умер, – это был такой шок... Он был гений в своем, конечно, роде. Бездна остроумия. Помню, однажды в Лувре он мне сказал: «Ах, мой дорогой Норрис, мы с вами – последние оставшиеся в живых из великого племени джентльменов и авантюристов». Знаете, язык у него был – как бритва. Если он кого-то припечатал, то человек помнил потом об этом до самой смерти.

– Что приводит на память, – раздумчиво продолжил Артур, – вопрос, который однажды задал мне последний лорд Дизли. «Мистер Норрис, – спросил он меня, – вы авантюрист?»

¹¹ Фрэнк Харрис (1856–1933) – английский журналист и издатель. Издавал газеты «Фортнайтли ревью» (1886–1894) и «Сатердей ревью» (1894–1898), превратив последнюю в самый продаваемый в Великобритании еженедельник благодаря переориентации на «новое» искусство и привлечению к сотрудничеству таких авторов, как Джордж Бернард Шоу, Герберт Уэллс и Макс Бирбом. Четырехтомная книга скандальных мемуаров «Моя жизнь и мои любви» (1922–1927) лишь укрепила его репутацию безудержного хвастуна, вруна и сплетника.

– Н-да, вопрос весьма нестандартный. Честно говоря, *остроумия* я здесь не вижу. Помоему, это откровенная грубость.

– Я ответил: «Мы все авантюристы. А разве сама по себе жизнь – не авантюра?» Весьма искусно, не находите?

– Иного ответа он и не заслуживал.

Артур скромно потупился, принялся разглядывать ногти:

– Мои лучшие афоризмы всегда рождались на судебной скамье.

– Вы хотите сказать, что вас судили?

– Не меня судили, Уильям. Я судился. С «Ивнинг пост», за оскорбление чести и достоинства.

– А что они такого про вас наговорили?

– Были там такие, знаете ли, грязные измышления относительно того, как осуществляется управление одним фондом – доверенное, к слову сказать, мне.

– И вы, конечно, выиграли процесс?

Артур бережно погладил пальцами подбородок.

– Они оказались не в состоянии привести достаточно веских оснований для выдвинутых обвинений. Мне присудили пятьсот фунтов в качестве возмещения морального ущерба.

– И часто вам приходилось судиться за клевету?

– Пять раз, – скромно признался Артур. – А еще в трех случаях дело до суда не доходило.

– И вы неизменно получали возмещение?

– Так, кое-что. Пустяки, говорить не стоит. Но душу греет.

– Должно быть, неплохой источник дохода.

Артур возвел очи горе:

– Избави меня боже. Да и суммы не так чтобы очень.

Тут мне показалось, что настал момент задать самый главный вопрос:

– Скажите, Артур, а вам приходилось сидеть в тюрьме?

Он медленно потер подбородок. В его прозрачных голубых глазах поселилось довольно странное, как мне показалось, выражение. Облегчение? А может быть, и вовсе – нечто вроде удовлетворенного тщеславия?

– Так значит, вы слышали об этом деле?

– Да, – соврал я.

– В свое время столько было шума по этому поводу. – Артур скромно сложил ладошки на рукоятки зонта. – А не приходилось вам по случайности читать полного отчета о свидетельских показаниях?

– Нет. К сожалению, нет.

– Да, жаль, жаль. Я бы с удовольствием одолжил вам на некоторое время подборку газетных вырезок, но сами понимаете, разъездной образ жизни; короче говоря, они безвозвратно утрачены. А я бы с такой радостью выслушал ваше непредвзятое мнение... Мне кажется, присяжные были с самого начала откровеннейшим образом настроены против меня. Будь у меня опыт, которым я обладаю сейчас, меня бы непременно оправдали. И адвокат – он мне давал совершенно неправильные советы. Я должен был настаивать на своей полной невиновности, но он убедил меня в том, что собрать необходимые доказательства будет совершенно невозможно. И судья, конечно, обходился со мной совершенно не должным образом. Он до того дошел, что обвинил меня в соучастии в чем-то вроде шантажа.

– Да что вы говорите! Это, пожалуй, и в самом деле было слишком, не так ли?

– Именно так. – Артур печально покачал головой. – Английское правосудие отличается полным отсутствием элементарной чуткости. Оно не в состоянии отличить друг от друга сколь-нибудь тонкие нюансы человеческого поведения.

– И сколько... сколько вам дали?

– Восемнадцать месяцев общего режима. В Вормвуд-Скраббз.

– Надеюсь, с вами там обращались подобающим образом?

– Со мной обращались согласно правилам. Пожаловаться не могу... Тем не менее с момента выхода из тюрьмы я почувствовал живейший интерес к тюремной реформе. Взял себе за правило подписываться за разного рода общества, которые организуются для этой цели...

Повисла пауза: судя по всему, Артур погрузился в не самые приятные воспоминания.

– Думается, – наконец продолжил он, – что я могу с уверенностью сказать одно: за всю мою жизнь я крайне редко делал что-либо выходящее за рамки закона, если вообще... С другой стороны, я придерживаюсь и всегда буду придерживаться убеждения, что одной из привилегий, присущих обеспеченным, но не столь щедро одаренным – умственно одаренным – членам общества, является поддержка таких людей, как я. Надеюсь, здесь вы со мной заодно?

– Поскольку не имею чести быть одним из обеспеченных членов общества, – ответил я, – то несомненно.

– Страшно рад. Знаете, Уильям, у меня такое чувство, что со временем наши с вами взгляды на самые разные предметы станут более чем близкими... Просто невероятно, какое количество денег буквально валяется у нас под ногами, и нужно только нагнуться и взять их. Да-да, всего лишь нагнуться и подобрать. Даже в наши дни. Нужно только уметь смотреть. И капитал. Некоторая начальная сумма есть вещь совершенно необходимая. Как-нибудь я непременно должен рассказать вам о том, как я работал с одним американцем, который считал себя прямым потомком Петра Великого. Весьма поучительная история.

Иногда Артур говорил о своем детстве. Он был болезненным ребенком и никогда не ходил в школу. Единственный сын, он жил вдвоем с вдовой-матерью, в которой души не чаял. Вместе с ней они изучали литературу и искусство; вместе ездили в Париж, Баден-Баден, Рим, вращались только в самом лучшем обществе, перебираясь из *Schloss*¹² в *château*,¹³ из *château* во дворец, нежные, очаровательные, умеющие быть благодарными, в состоянии непрерывной нежной заботы друг о друге. Болели они тоже вдвоем и, лежа в комнатах со смежной дверью, просили, чтобы их кровати придвинули к разделяющей комнаты стенке, так, чтобы они могли говорить не напрягая голоса. Рассказывать истории, отпускать забавные, им одним понятные шуточки, – и тем занимать друг друга на всем протяжении утомительных бессонных ночей. Потом, когда дело начинало идти на поправку, их бок о бок катали в креслах по паркам Люцерна.

Эта инвалидная идилия по самой своей природе не могла длиться долго. Артур непременно должен был вырасти; отправиться в Оксфорд. А мама непременно должна была умереть. До самой последней минуты оберегая его душевный покой, она запрещала слугам слать ему телеграммы: до тех пор, пока она в сознании. Когда наконец они нарушили ее запрет, было уже слишком поздно. Ее хрупкий сын был избавлен – как она того и хотела – от тягостной сцены прощания с умирающей.

После ее смерти здоровье у него резко пошло на поправку, поскольку теперь он мог рассчитывать только на себя самого. Это новое и довольно мучительное положение вещей было существенно облегчено за счет унаследованного им небольшого состояния. Денег у него должно было хватить лет на десять – сообразно стандартам лондонской светской жизни девятых годов. Истратил он их, однако, меньше чем за два года. «Именно тогда, – сказал Артур, – я впервые постиг значение слова «роскошь». С тех пор, как это ни прискорбно звучит, я был вынужден добавить в свой словарь и другие слова; и слова эти порой звучали весьма неприятно». «Хотел бы я, – сказал он в другой раз самым естественным образом, – чтобы у меня сейчас были деньги. Теперь-то я знаю, что с ними делать». Тогда ему было всего двадцать два,

¹² Замок (нем.).

¹³ Замок, шато (фр.).

и что с ними делать, он не знал. Они исчезли с поистине волшебной скоростью, канули в лошадиные пасти и в чулочки балерин. Железной хваткой смыкались над ними маслянистые ладони слуг. Они превращались в роскошные костюмы, которые он, разочарованный, через неделю-другую дарил лакею; в восточные безделушки, которые каким-то неведомым образом – когда он приносил их домой – трансформировались в ржавые железные горшки; в пейзажи новоявленного гения-импрессиониста, которые при свете дня на следующее утро оказывались детской мазней. Холеный и остроумный, сорящий деньгами направо и налево, он должен был казаться в своем, достаточно обширном кругу одним из самых перспективных с точки зрения выгодного брака молодых холостяков; но в конечном счете вовсе не девушки, а добрые дедушки, ссужавшие деньги под процент, уловили его в свои сети.

Строгий дядя, к которому пришлось обратиться за помощью, его пусть нехотя, но спас; однако выставил свои условия. Артур должен был остепениться и засесть за подготовку к судебской карьере. «И я с чистой совестью могу сказать: я сделал в этом направлении все, на что был способен. Я даже передать вам не могу, какие это были страдания. Так что пару месяцев спустя я был просто вынужден предпринять определенные шаги». Когда я спросил его, что это были за шаги, он как-то резко потерял к разговору всякий интерес. Я сделал вывод, что он каким-то образом умудрился пустить в ход свои светские связи. «В то время это казалось такой, знаете ли, гнусностью, – загадочно добавил он. – А я был весьма чувствительный молодой человек. Сейчас подобные эксцессы могут вызвать разве что улыбку».

«Именно с тех времен я и веду отсчет своей карьере; и, в отличие от Лотовой жены, никогда не имел привычки оглядываться. Случалось мне переживать свои взлеты и падения... взлеты и падения. Взлеты вписаны теперь в историю Европы. О падениях я предпочитаю не вспоминать. Что поделаешь. Как сказал вошедший в поговорку ирландец, взялся за гуж, от гужа и погибнешь».

В ту весну, да и в начале лета, взлеты и падения у Артура, насколько я мог судить, случались довольно часто. Обсуждал он их весьма неохотно; однако состояние его духа всегда можно было прямо соотнести с состоянием его финансов. Продажа «старой мебели» (или того, что скрывалось за этим туманным эвфемизмом), кажется, обеспечила ему временную передышку. И в мае он вернулся из короткой поездки в Париж в самом радужном расположении духа, осторожно намекнув мне на то, что у него на примете «тут пирожок, там пирожок, и тесто уже подходит».

За всеми этими сделками угадывалась зловещая тыквоголовая фигура Шмидта. Артур совершенно откровенным образом боялся своего секретаря, и удивляться тут было нечему. Шмидт был слишком незаменим; он всецело проникся интересами своего патрона. Он был из тех людей, которые не только могут, но искренне хотят делать за хозяина всю самую грязную работу. Из случайных замечаний Артура – когда он, в виде исключения, не напускал слишком уж густого тумана – я постепенно смог составить себе более или менее ясное представление о талантах и обязанностях его секретаря. «Любям нашего сословия бывает ужасно неприятно говорить определенным людям определенного сорта вещи. Это затрагивает деликатнейшие струны наших душ. Приходится опускаться до таких страшных грубостей». Со Шмидта же, казалось, все было как с гуся вода. Он мог сказать кому угодно и что угодно. С кредиторами он обращался технично и смело, как профессиональный тореро. Самые невероятные дуплеты Артура он воспринимал как должное и всегда возвращался с деньгами, как ретривер, приносящий хозяину дичь.

Шмидт контролировал карманные деньги Артура и выдавал ему строго отмеренные суммы. Артур долго не хотел мне в этом признаться, но против очевидности деваться было некуда. Случались дни, когда у него не было денег, чтобы заплатить за автобус; в другие дни он говорил мне: «Минутку, Уильям. Я только сбегаю до квартиры и обратно, совсем забыл,

понимаете ли, об одной мелочи. Если не возражаете, подождите меня – буквально пару минут – хорошо?» Б таких случаях он спускался обратно на улицу примерно через четверть часа; порой угнетенный до крайности, порою же сияющий, как школьник, которому неожиданно-негаданно дали на школьный завтрак необычайно большую сумму.

Мне пришлось привыкнуть и еще к одной его фразе: «Боюсь, что не смогу пригласить вас наверх прямо сейчас. В квартире такой беспорядок». Как я довольно скоро обнаружил, это означало, что дома сейчас Шмидт. Артур, смертельно боявшийся разного рода сцен, под всеми возможными предлогами старался не допустить нашей встречи; ибо с момента самого первого знакомства взаимная неприязнь между нами росла не по дням, а по часам. Шмидт, как мне кажется, не просто меня недолюбливал; он явно видел во мне источник враждебного и совершенно, с его точки зрения, неподобающего влияния на хозяина. На прямой конфликт он никогда не шел. Он всего лишь оскорбительнейшим образом ухмылялся и развлекался тем, что появлялся в комнате в самые неожиданные моменты, бесшумно ступая на носочках туфель. Затем, никем не замеченный, несколько секунд стоял молча, а потом произносил какую-нибудь фразу, заставляя Артура вскрикнуть от испуга и подскочить на месте. Прodelав этот номер два или три раза кряду, он вгонял Артура в такое состояние, что тот уже не мог о чем бы то ни было говорить хоть сколь-нибудь связно, и, чтобы продолжить разговор, нам приходилось ретироваться в ближайшее кафе. Шмидт подавал хозяину пальто и с церемонным – немного чересчур церемонным – поклоном выпроваживал нас вон, втайне радуясь, что ему удалось добиться своего.

В июне мы отправились на выходные – прихватив к ним еще пару дней – к барону фон Прегницу; он пригласил нас на свою загородную виллу, расположенную на берегу озера в Мекленбурге. Самая просторная комната на вилле была отведена под гимнастический зал, оборудованный по последнему слову тогдашней техники, поскольку барон избрал себе в качестве хобби физическую культуру. Он ежедневно истязал себя при помощи электрической лошади, гребного тренажера и вращающегося массажного пояса. Было очень жарко, и все купались, даже Артур – в резиновой шапочке, которую он всякий раз тщательно надевал в уединении, в спальне. Дом был полон красивых молодых людей с прекрасными атлетически сложенными телами, каковые они умащивали маслом и часами поджаривали на солнцепеке. Ели они как изголодавшиеся волки, а их застольные манеры глубоко ранили Артура; и говорили по большей части на самом что ни на есть прибалтийском берлинском жаргоне. Они боролись и боксировали на пляже и крутили сальто, прыгая с трамплина в озеро. Барон был непременным участником всех этих забав, и ему зачастую здорово доставалось. С добродушной юношеской жестокостью молодые люди подстраивали ему разного рода «случайности», в которых он в очередной раз разбивал монокль, хотя вполне мог свернуть себе шею. Он сносил от них все – с неизменной, словно пристывшей к лицу героической улыбкой.

На второй вечер нашего визита он от них наконец удрал и увел меня в лес на прогулку, в полном одиночестве. Утром они взялись качать его на одеяле; приземлился он в конце концов прямоком на асфальтовую дорожку и до сих пор не так чтобы очень твердо стоял на ногах. Дорогой он, тяжело налегая, опирался на мою руку. «Когда доживешь до моих лет, – печально поведал он мне, – начинаешь понимать, что самые прекрасные в мире вещи относятся к сфере Духа. Сама по себе Плоть не в состоянии дать нам счастья». Тут он вздохнул и едва заметно пожал мне локоть.

– Наш друг Куно – человек замечательный, – заметил Артур, когда мы с ним вдвоем возвращались поездом в Берлин. – Кое-кто здесь считает, что его ждет блестящая карьера. И я ничуть не удивлюсь, если следующее правительство предложит ему один из самых ключевых постов.

– Да что вы говорите?

– Сдается мне, – Артур бросил на меня осторожный и довольно двусмысленный взгляд, – что вами он был просто очарован.

– Вы правда так считаете?

– У меня иногда возникает такое чувство, Уильям – жаль, знаете ли, что вы при ваших талантах недостаточно амбициозны. Молодой человек не должен упускать таких возможностей. Куно мог бы очень, ну то есть очень во многом вам помочь.

Я рассмеялся:

– То есть вы хотите сказать, помочь нам обоим.

– Ну, если вы так ставите вопрос, то почему бы и нет. Я готов признать, что в подобном случае и для меня открылись бы определенные перспективы. Уж в чем в чем, а в лицемерии меня упрекнуть трудно. Ну вот, к примеру, он мог бы взять вас к себе секретарем.

– Не сердитесь, Артур, – сказал я, – но боюсь, что с такого рода обязанностями я просто не справлюсь.

Глава пятая

Ближе к концу августа Артур уехал из Берлина. Обстоятельства его отъезда были окутаны атмосферой тайны; он даже и словом не обмолвился, что вообще куда-то собирается. Я дважды звонил к нему на квартиру, когда был уверен, что Шмидта там наверняка нет. Герману, повару, только-то и было известно, что хозяин уехал на неопределенный срок. Во второй раз я спросил, куда же он все-таки уехал, и ответ был – в Лондон. Я начал беспокоиться, что в Германию Артур больше не вернется. Надо полагать, у него были для этого достаточно веские основания.

Но вот однажды, на второй неделе сентября, раздался телефонный звонок. На проводе был Артур собственной персоной:

– Это вы, мой мальчик? А я как раз вернулся – наконец-то! Мне столько всего нужно вам рассказать. Только прошу вас, не говорите, что сегодняшний вечер у вас занят. Не занят? Тогда не могли бы вы зайти ко мне в районе половины седьмого? Мне кажется, я имею полное право добавить, что у меня для вас припасен маленький сюрприз. Нет-нет, ни слова больше. Приходите и сами все увидите. *Au revoir*.

Когда я добрался до его квартиры, Артур был в прекраснейшем из настроений:

– Дорогой мой Уильям, если бы вы только знали, какое счастье снова вас видеть! Как вы тут без меня обретались? Ни с кем не побратались?

Артур хихикнул, почесал подбородок и быстрым беспокойным взглядом пробежался по комнате, как будто был не вполне уверен, что мебель по-прежнему стоит на своих местах.

– Как там Лондон? – спросил я. Что бы он там ни говорил по телефону, пускаться в откровения Артур был, видимо, не слишком склонен.

– Лондон? – озадаченно переспросил он. – Ах да. Лондон... Если уж начистоту, Уильям, то не был я ни в каком Лондоне. Я был в Париже. Просто в настоящий момент было бы желательно, чтобы некоторые здешние персоны имели не слишком ясное представление о том, куда я ездил.

Он выдержал паузу, а потом с многозначительным видом добавил:

– Мне кажется, вам, как своему ближайшему и весьма доверенному другу, я могу сообщить, что этот мой визит некоторым образом имел отношение к здешней коммунистической партии.

– Вы хотите сказать, что сделались коммунистом?

– Во всем, кроме самого этого названия, Уильям. Во всем, кроме названия. – Он немного помолчал, наслаждаясь произведенным эффектом. – Более того, я пригласил вас сюда, чтобы сегодня же вечером вы стали свидетелем того, что я назвал бы моим *Confessio Fidei*.¹⁴ Через час я должен выступить на митинге протеста против эксплуатации китайского крестьянства. Надеюсь, вы окажете мне честь своим присутствием?

– О чем речь!

Митинг должен был состояться в Нойкёльне. Артур настоял на том, чтобы мы всю дорогу проделали на такси. Он был настроен на широкие жесты.

– У меня такое чувство, – заметил он, – что я буду вспоминать об этом вечере как о поворотном пункте всей моей карьеры.

Он откровенно нервничал и всю дорогу вертел в руках пачку исписанных листов. Время от времени он бросал за окошко такси тоскливые взгляды, словно готов был вот-вот попросить водителя остановиться.

– Сдается мне, в вашей карьере было изрядное множество поворотных пунктов, – сказал я, чтобы хоть как-то его отвлечь.

¹⁴ Признание, провозглашение веры (лат.).

И эта нарочитая лесть мигом прогнала печаль с его чела:

– Было, Уильям. Ой было. И ежели судьба распорядится так, что жизнь моя закончится сегодня ночью (а я искренне надеюсь, что она распорядится иначе), я смогу положить руку на сердце сказать: «По крайней мере, я жил...» Хотел бы я, чтоб вы знавали меня в давно минувшие дни, в Париже, перед самой войной. Тогда у меня была собственная машина и апартаменты в Буа. Вот уж где, скажу я вам, было на что взглянуть. Дизайн спальни я делал сам, сплошь алое и черное. И у меня была уникальная коллекция кнутов. – Артур вздохнул. – По природе я человек чувствительный. И на окружающую среду реагирую самым непосредственным образом. Я – как цветок, и когда мне светит солнышко, я раскрываюсь. Чтобы понять, какой я есть на самом деле, вам нужно увидеть меня в соответствующей обстановке. Хороший стол. Хороший винный погреб. Искусство. Музыка. Красивые вещи. Общество – очаровательное и остроумное. И вот тогда я могу блистать. Я преображаюсь.

Такси остановилось. Артур суетливо расплатился с водителем, и мы прошли через обширный пивной павильон под навесом, пустой и темный, в такой же безлюдный ресторан, где престарелый официант сказал нам, что митинг состоится наверху. «Только не в первую дверь, – добавил он. – Там клуб любителей кегельбана».

– Боже мой, – воскликнул Артур. – Мне кажется, мы безнадежно опоздали.

Он оказался прав. Митинг был в полном разгаре. Взбираясь по широкой шаткой лестнице, мы слышали, как отдается в длинном запущенном коридоре голос оратора. У двойных дверей стояли на страже два крепко сбитых молодых человека в нарукавных повязках с серпом и молотом. Артур торопливо им что-то объяснил, и нас пустили. Он нервически сжал мою руку. «Ну, увидимся позже». Я сел на ближайший свободный стул.

Зал был просторный и стылый. Украшенный безвкусной барочной росписью, он был построен, должно быть, лет тридцать тому назад и с тех пор ни разу не ремонтировался. Гигантское панно на потолке – выполненные в розовых, голубых и золотых тонах херувимы, облака и розы – облупилось и было сплошь покрыто потеками сырости. Вдоль стен были натянуты красные транспаранты с белыми надписями: «*Arbeiterfront gegen Faschismus und Krieg*», «*Wir fordern Arbeit und Brot*», «*Arbeiter aller Länder, vereinigt euch!*»¹⁵

Президиум сидел за длинным столом на сцене лицом к аудитории. За ними на драном заднике был изображен лесистый горный склон. В президиуме сидели два китайца, девушка-стенографистка и костлявый мужчина с пушистой шевелюрой, который положил подбородок на руки так, словно слушал музыку. Перед ними, в опасной близости от края платформы, стоял невысокий широкоплечий рыжеволосый человек и размахивал, как флагом, листом бумаги:

– Вот цифры, товарищи. Вы их слышали. Они сами за себя говорят, не так ли? Мне к ним добавить нечего. Завтра мы напечатаем их в *Welt am Abend*. Нет смысла искать их в капиталистической прессе, потому что их там не будет. Заправила капитала не допустят их на страницы своих газет, потому что появившись они там – и биржевой курс рухнет. Вот ведь какая жалость. Но ничего. Рабочие их увидят. Рабочие поймут, что за ними стоит. Давайте направим послание нашим китайским товарищам: «Рабочие, члены Германской коммунистической партии, протестуют против зверств японской военщины. Рабочие требуют оказать помощь сотням тысяч китайских крестьян, оставшихся без крова». Товарищи, китайское отделение МАБ¹⁶ обращается к нам с просьбой о материальной помощи для борьбы с японским империализмом и европейскими эксплуататорами. Наш долг оказать им эту помощь. И мы им ее окажем.

Он говорил и улыбался задиристой, торжествующей улыбкой; его ровные белые зубы отблескивали в свете ламп. Жестикаляция у него была крайне сдержанная, но каждый жест

¹⁵ «Рабочий фронт против фашизма и войны», «Мы требуем работы и хлеба», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (нем.)

¹⁶ Международная ассоциация бездомных.

отличался невероятной законченностью и силой. Временами казалось, что гигантская энергия, сосредоточенная в этом невысоком коренастом теле, физически оторвет его от сцены, словно слишком мощный для такого ограниченного пространства мотоцикл. Мне приходилось два или три раза встречать в газетах его фото, но имени я вспомнить так и не смог. Там, где я сидел, слышимость была не самая лучшая. Его голос дробился, раскатываясь по просторному сырому залу громоподобным эхом.

На сцене появился Артур, торопливо обменялся рукопожатием с китайцами, извинился, посуетился, стал пробираться к стулу. Взрыв аплодисментов, который последовал за финальной фразой рыжеволосого, заметно его напугал. Он сел, как упал.

Пока в зале хлопали, я, чтобы лучше слышать, переместился на несколько рядов вперед, протиснувшись к мелькнувшему впереди пустому стулу. Как только я сел, меня потянули за рукав. Это была Анни, барышня в сапогах. Бок о бок с ней сидел тот парень, который на новогодней вечеринке у Ольги лил Куно в глотку пиво. Они оба почему-то очень мне обрадовались. Парень стиснул мне руку, причем хватка у него была такая, что я едва не заорал от боли.

В зале было битком. Люди по большей части пришли сюда в засаленной рабочей одежде. На большинстве мужчин были бриджи с чулками из грубой шерсти, свитера и остроконечные вязаные шапочки. Я никогда прежде не бывал на коммунистических митингах, и более всего меня поразило напряженное внимание на всех этих, ряд за рядом, устремленных к сцене лицах; лицах берлинского рабочего класса, бледных, изборожденных преждевременными морщинами, зачастую изможденных и аскетических, как лица ученых, с зачесанными назад с широких крепких лбов редкими светлыми волосами. Они пришли сюда не для того, чтобы посмотреть на людей или показать себя, и даже не для того, чтобы исполнить некий общественный долг. Они были внимательны, но ни в коем случае не пассивны. Они не были зрителями. С пытливой, сдержанной страстностью они принимали участие во всем, что говорил рыжеволосый. Он говорил за них, он выражал их мысли. Они слушали свой собственный коллективный голос. В перерывах они с внезапной, спонтанной яростью принимались этому голосу аплодировать. Их страстность, живущее в них ясное понимание цели воодушевили меня. Я был – снаружи. Может быть, когда-нибудь я тоже буду с ними – но не одним из них. Пока же я просто сидел среди них, не уверенный в правильности сделанного шага дезертир от собственного класса, и моим чувствам мешали отлиться в простую и ясную форму разом и анархистские дискуссии в Кембридже, и слова из церковной службы, и та музыка, которую играл духовой оркестр, когда семнадцать лет назад полк моего отца шел на железнодорожную станцию для отправки на фронт. Тем временем коренастый рыжий оратор закончил выступление и под гром аплодисментов вернулся на свое место за столом.

– Кто это такой? – спросил я.

– Ты что, не знаешь? – в изумлении воскликнул приятель Анни. – Это же Людвиг Байер. Один из лучших наших людей.

Парня звали Отто. Анни представила нас друг другу, и я пережил еще одно сокрушительное рукопожатие. Отто поменялся с ней местами, чтобы удобнее было говорить со мной:

– Ты позавчера вечером не был во Дворце спорта? Ну, ты многое потерял! Он говорил два с половиной часа подряд и даже глотка воды не выпил.

Встал делегат от Китая. Его представили. Он говорил на гладком, академически правильном немецком. Его предложения были – как легкая заунывная гнусавинка азиатских музыкальных инструментов: он говорил о голоде, о страшных наводнениях, о японских авианалетах на незащищенные города. «Немецкие товарищи, я привез вам печальное послание от моей несчастной страны».

– Бог ты мой! – прошептал Отто. Речь китайца явно произвела на него впечатление. – Да там, наверное, хуже, чем у моей тетки на Зимеонштрассе.

Была уже четверть десятого. Вслед за китайцем говорил человек с пушистой шевелюрой. Артур начал проявлять признаки нетерпения. Он то и дело поглядывал на часы, а потом украдкой дотрагивался до парика. Потом настала очередь второго китайца. По-немецки он говорил много хуже своего коллеги, но аудитория готова была слушать его с тем же напряженным вниманием, что и остальных ораторов. С Артуром, по всей видимости, началась уже едва ли не истерика. Наконец он встал и кружным путем прошел за спинку стула Байера. Наклонившись вперед, он начал что-то говорить взволнованным шепотом. Байер улыбнулся и сделал добродушный, успокаивающий жест. Его, кажется, эта сценка даже позабавила. Артур нерешительно вернулся на место, где вскоре опять начал ерзать.

Потом китаец наконец-то замолчал. Тут же встал Байер, ободряюще взял Артура за руку – как мальчишку – и вывел его на авансцену:

– Это товарищ Артур Норрис, он пришел, чтобы рассказать нам о преступлениях британского империализма на Дальнем Востоке.

Само по себе зрелище – Артур стоит на сцене – было до того нелепым, что мне только ценой большого усилия удалось удержать на лице серьезную мину. Мне казалось, весь зал давно уже должен был грохнуть со смеху. Но нет, аудитории, судя по всему, Артур ничуть не казался смешным. Даже Анни, у которой причин воспринимать его в ироническом свете было больше, чем у кого бы то ни было из присутствующих, была совершенно серьезной.

Артур кашлянул, пошелестел бумажками. А потом начал говорить на беглом, скрупулезно выверенном немецком, вот только, может быть, чуть-чуть слишком быстро:

– С того самого дня, как лидеры союзных держав с присущей им безграничной мудростью сочли необходимым составить тот, вне всякого сомнения, вдохновленный свыше документ, который известен как Версальский договор; с того самого дня, я повторяю...

По рядам слушателей пробежала легкая рябь, как будто вызванная смутной тревогой. Но на этих бледных, серьезных, устремленных вперед лицах по-прежнему не было ни тени иронии. Они без колебаний приняли этого образованного, с изящными манерами буржуа, приняли его стильный костюм, его изящное, в духе *rentier*,¹⁷ остроумие. Он пришел сюда, чтобы им помочь. Его вывел на сцену Байер. Он был – друг.

– Британский империализм на протяжении последних двух столетий исправно поставлял своим жертвам весьма сомнительного свойства блага: Библию, Бутылку и Бомбу. И, осмелюсь заметить, из всей этой троицы Бомба, как правило, бывала губительна менее двух прочих.

Вспыхнули первые аплодисменты: с некоторым запозданием, несмелые, как если бы слушатели искренне одобряли то, о чем Артур говорит, но все еще сомневались в самой манере изложения. Явно приободрившись, он продолжил:

– Мне приходит на память история об англичанине, немце и французе, которые поспорили между собой, кто из них срубит за день больше деревьев. Первому рубить выпало французу...

Финал анекдота потонул в дружном хохоте и громких аплодисментах. Отто в полном восторге от души навесил мне по спине: «*Mensch! Der spricht prima, wahr!*»¹⁸ И тут же снова нагнулся вперед, весь внимание, глаза устремлены на сцену, рука у Анни на плече. Артур, сменив изящно-ироничный тон на риторическую серьезность, явно двигался к кульминации:

– Мы сидим сегодня в этом зале, но в ушах у нас звучит голос голодающего китайского крестьянства. Он доносится до нас сквозь необозримые просторы мира. Будем надеяться, что вскоре он зазвучит еще громче, заглушив бессмысленную трескотню дипломатов и музыку оркестров, играющих танцевальную музыку в роскошных отелях, где жены фабрикантов и поставщиков оружия перебирают свои жемчуга, купленные ценою крови невинных детей. Но

¹⁷ Рантье (*фр.*).

¹⁸ Оба-на! Классно сказано, а? (*нем.*)

мы должны добиться того, чтобы этот голос дошел до каждого мыслящего человека в Европе и в Америке. Ибо тогда, и только тогда, будет положен конец всей этой бесчеловечной эксплуатации, этой торговле живыми человеческими душами...

И Артур завершил свою речь энергичным росчерком пера. Лицо у него покраснело. В зале волна за волной накатывала громовая овация. Многие кричали: «Браво!» Хлопали еще вовсю, когда Артур спустился со сцены и подошел ко мне. Мы шли к дверям, и люди поворачивали головы нам вслед. Отто и Анни ушли с митинга вместе с нами. Отто все выкручивал Артурову руку, то и дело нанося ему тяжелой пролетарской дланью сокрушительные удары в плечо:

– Артур, ах ты ж старая кляча! Ну ты даешь!

– Да, спасибо, мой мальчик. Спасибо, – морщился Артур. Он был весьма доволен собой. – Как они это восприняли, Уильям? Кажется, неплохо? Надеюсь, я достаточно ясно выразил основную мысль? Ну пожалуйста, скажите, что так оно и было.

– Так оно и было, Артур, святая истинная правда. Я был просто ошарашен.

– Как мило с вашей стороны: похвала из уст столь сурового критика, как вы, для моих ушей – просто музыка.

– Я и понятия не имел, что у вас настолько серьезный ораторский опыт.

– В свое время, – скромно признался Артур, – у меня была возможность довольно часто выступать на публике, хотя и совсем в ином роде, чем сегодня.

Мы приехали к нему на квартиру и съели ужин. Ни Шмидта, ни Германа не было: Отто и Анни заварили чай и накрыли на стол. На кухне они чувствовали себя как дома и точно знали, где что лежит.

– Анни выбрала себе Отто в качестве телохранителя, – пояснил Артур, пока их обоих не было в комнате. – В несколько иной жизненной ситуации можно было бы сказать, что он ее импресарио. Кажется, он имеет с ее заработков некоторый процент. Я предпочитаю не вдаваться в подробности. Он славный мальчик, но невероятно ревнив. К счастью, на постоянных клиентов это не распространяется. Не хотел бы я попасть к нему в черный список. Насколько я понимаю, он чемпион своего боксерского клуба – в среднем весе.

Наконец еда была готова. Он засуетился, принялся отдавать распоряжения:

– А не снабдит ли нас товарищ Анни стаканами? Очень мило с ее стороны. Может быть, если товарищ Отто будет так любезен, мы могли бы даже выпить бренди? Я не знаю, пьет ли бренди товарищ Брэдшоу. Давайте его об этом спросим.

– В такой исторический момент, товарищ Норрис, я выпью все, что мне нальют.

Отто вернулся с известием, что бренди вышел весь.

– Не важно, – сказал Артур, – бренди – напиток не пролетарский. Выпьем пива. – Он наполнил наши стаканы. – За мировую революцию!

– За мировую революцию.

Мы чокнулись. Анни со вкусом потягивала пиво, держа бокал двумя пальцами за ножку и жеманно отставив мизинчик. Отто осушил свой стакан единым духом и от всей души саданул доньшком об стол. У Артура пиво пошло не в то горло, и он закашлялся. Он перхал, хватал ртом воздух, пытался дотянуться до салфетки.

– Боюсь, что это дурной знак, – в шутку сказал я. Он тут же всерьез расстроился:

– Пожалуйста, не говорите так, Уильям. Я не люблю, когда люди говорят подобные вещи, пусть даже в шутку.

Так я впервые обнаружил у Артура склонность к суеверию. Меня это позабавило, но и произвело определенное впечатление. Он, кажется, и в самом деле воспринял все происшедшее всерьез. Неужто и впрямь на моих глазах произошло нечто вроде религиозного обращения? Поверить в это было нелегко.

– А давно вы стали коммунистом, Артур? – спросил я по-английски, как только мы принялись за еду.

Он осторожно прокашлялся и бросил беспокойный взгляд в сторону двери:

– Если по совести, Уильям, то да. Мне кажется, я с уверенностью могу сказать, что всегда придерживался твердого убеждения в том, что по большому счету – все мы братья. Классовые барьеры никогда и ничего для меня не значили, а ненависть к тирании у меня в крови. Будучи совсем еще маленьким ребенком, я совершенно не выносил какой бы то ни было несправедливости. Она оскорбляет мое чувство прекрасного. Это же так глупо, так неэстетично. Помню свои чувства, когда меня впервые ни за что ни про что наказала няня. Не то чтобы я возражал против самого наказания; меня возмутила топорность исполнения, отсутствие, знаете ли, творческого подхода. Вот это, как мне помнится, причинило мне глубокую внутреннюю боль.

– Тогда почему вы не вступили в партию много лет тому назад?

Внезапно вид у Артура сделался какой-то отсутствующий; он пригладил височки кончиками пальцев:

– Время еще не пришло. Было слишком рано.

– А что на все на это говорит Шмидт? – самым злонамеренным образом поинтересовался я.

Артур еще раз метнул в сторону двери торопливый взгляд. Как я и подозревал, он боялся, что нас в любую минуту может застукать его секретарь.

– Боюсь, мы еще не успели обсудить с ним этой темы с глазу на глаз.

Я усмехнулся:

– Не сомневаюсь, что со временем вы непременно обратите его в свою веру.

– Заткнитесь, эй вы, англичане, – воскликнул Отто, наградив меня могучим тычком в бок. – Мы с Анни тоже хотим знать, о чем идет речь.

За ужином пиво лилось рекой. И к концу вечера я, должно быть, уже не слишком твердо держался на ногах, потому что, поднимаясь из-за стола, опрокинул стул. К обратной стороне сиденья была приклеена бирка с номером 69.

– А это еще зачем? – спросил я.

– Ах, это? – торопливо переспросил Артур; вид у него был более чем сконфуженный. – Это просто номер по каталогу, видите ли, я купил его на распродаже. И, надо же, так и забыл отклеить... Анни, любовь моя, как ты считаешь, вы не могли бы с Отто переправить все это на кухню и поставить в раковину? Не хочу оставлять Герману слишком много работы на утро. Он будет дуться на меня весь день.

– Так зачем там эта бирка? – мягко, но настойчиво повторил я, когда они оба вышли. – Если серьезно.

Артур печально покачал головой:

– Ах, дорогой мой Уильям, ничто не укроется от вашего взгляда. Вот и еще одна из наших маленьких домашних тайн стала достоянием гласности.

– Боюсь, что в моем случае острота зрения компенсируется недостатком догадливости. Какая еще тайна?

– Как хорошо, что ваша юная жизнь еще ни разу не была омрачена такого рода омерзительными переживаниями. Должен с сожалением признаться, что в вашем возрасте я уже успел свести знакомство с джентльменом, чья собственноручная подпись красуется на каждом предмете обстановки во всей этой квартире.

– Бог ты мой, так речь о судебном приставе?

– Я предпочитаю слово *Gerichtsvollzieher*.¹⁹ Звучит много лучше.

– Но Артур, – и когда он сюда явится?

¹⁹ Судебный исполнитель (нем.).

– Как ни жаль, он является сюда едва ли не каждое утро. А иногда еще и после обеда. Правда, он крайне редко застает меня дома. Я предпочитаю, чтобы с ним общался Шмидт. Я видел его пару раз, и он произвел на меня впечатление человека малокультурного, если не сказать – и вовсе лишенного какой бы то ни было человеческой культуры. Не думаю, чтобы у нас с ним нашлось что-то общее.

– Но ведь он может попросту вывезти всю вашу мебель, причем довольно скоро.

Мое беспокойство, кажется, доставило Артуру некое изысканное удовольствие. Он с преувеличенным безразличием затянулся сигареткой:

– Да, кажется, речь шла о следующем понедельнике.

– Жуть какая! Неужели ничего нельзя сделать?

– Ну конечно же, *что-нибудь* сделать можно. Что-нибудь мы *непременно* сделаем. Мне придется нанести очередной визит моему шотландскому другу, мистеру Исааксу. Мистер Исаакс уверяет меня, что происходит из старинного шотландского рода, из инвернесских Исааков. В первый раз, когда я имел счастье познакомиться с ним, он едва не заключил меня в объятия: «Ах, дорогой мой мистер Норрис, – сказал он, – мы же с вами земляки».

– Но Артур, если вы пойдете к ростовщику, вы только усугубите свое положение. И давно это тянется? Мне всегда казалось, что вы человек довольно состоятельный.

Артур рассмеялся:

– Будем надеяться, что мои богатства лежат хотя бы в области духа... Дорогой мой мальчик, пожалуйста, не берите в голову. Я прожил своим умом вот уже тридцать лет и собираюсь продолжать в том же духе до тех пор, пока меня не призовут туда, где меня встретит – боюсь, не слишком ласково – компания моих весьма уважаемых прашуров.

Прежде чем я успел задать очередной вопрос, из кухни вернулись Анни и Отто. Артур сердечнейшим образом их поприветствовал, и вскоре Анни уже сидела у него на коленях, шлепками и укусами пресекая довольно робкие авансы с его стороны, тогда как Отто, сняв пиджак и закатав рукава, с головой ушел в починку граммофона. В этой идиллической картине из семейной жизни я почувствовал себя лишним и вскоре откланялся.

Отто, с ключом от парадной двери, спустился меня проводить. На прощание он с убийственно серьезным видом поднял сжатый кулак:

– Рот-Фронт.

– Рот-Фронт, – ответил я.

Глава шестая

Как-то утром, вскоре после описанных выше событий, ко мне в комнату, шаркая тапочками, вошла фройляйн Шрёдер – в страшной спешке, – чтобы сообщить мне, что по телефону со мной очень хочет поговорить Артур:

– Наверное, что-нибудь очень серьезное. Герр Норрис со мной сегодня даже не поздоровался, – последнее обстоятельство явно произвело на нее впечатление и, похоже, всерьез ее задело.

– Алло, Артур? Что стряслось?

– Мальчик мой, ради бога, только не задавайте мне сейчас никаких вопросов, – тон у него был нервически-раздражительный, и говорил он так быстро, что я едва успевал улавливать смысл сказанного. – Я этого просто не вынесу. Скажите мне одну только вещь: вы можете приехать ко мне прямо сейчас?

– Ну... видите ли, ко мне должен в десять прийти ученик.

– Вы можете отменить занятие?

– Это действительно настолько важно?

Артур коротко, но весьма раздраженно и даже с некоторой злостью простонал:

– Важно ли это? Дорогой Уильям, пожалуйста, постарайтесь напрятч воображение. Если бы это не было важно, стал бы я названивать вам в столь немыслимо ранний час? Единственное, чего я от вас хочу, так это прямого ответа: Да или Нет. Если вопрос в деньгах, то я с радостью заплачу вам вашу обычную таксу. Сколько вы берете за час?

– Заткнитесь, Артур, и не говорите глупостей. Если дело срочное, то конечно же я приеду. Буду у вас через двадцать минут.

Обе двери в квартиру Артура стояли раскрытыми настежь, и я вошел, не позвонив. Артур, по всей видимости, метался, как заполошенная курица, из комнаты в комнату. В данный момент он задержался в гостиной: одевался перед выходом, нервически натягивая перчатки. Герман, стоя на коленях, с недовольным видом рылся в прихожей в шкафу. Шмидт с сигаретой в зубах, лениво привалившись к косяку, стоял у двери в кабинет. Он даже и не пытался хоть как-то помочь своему хозяину и откровенно наслаждался его душевными муками.

– Ну наконец-то, Уильям, наконец-то! – воскликнул, увидев меня, Артур. – А я-то уж думал, вы никогда не придете. О господи, господи! Неужто уже так поздно? Да бог с ней, с этой серой шляпой. Пойдемте, Уильям, пора. Я все вам объясню по дороге.

Когда мы двинулись к выходу, Шмидт оделил нас неприятной саркастической улыбкой.

Мы с удобством устроились на империале омнибуса; Артур немного успокоился и стал говорить чуть более связно.

– Для начала, – он стал быстро-быстро рыться в карманах и извлек на свет божий сложенный листок бумаги, – прочтите, пожалуйста, вот это.

Я развернул бумажку. Это была *Vorladung*²⁰ из политической полиции. Герру Артуру Норрису надлежало явиться на Александерплац сегодня до часу дня. Что будет в случае его неявки, указано не было. Формулировка была официальной и прохладно-вежливой.

– Боже милостивый, Артур, – сказал я, – что все это значит? Во что вы еще успели ввязаться?

Сквозь явную тревогу и общую нервозность на лице у Артура проглянуло выражение этакой скромной гордости.

– Я лыщу себя мыслью, что мои связи, – он понизил голос до полусшепота и смерил быстрым взглядом сидящих неподалеку пассажиров, – с представителями третьего Интернационала

²⁰ Повестка (нем.).

все-таки дали свои плоды. Мне сообщили, что мои труды получили достаточно лестную оценку не где-нибудь, а в определенных московских кругах... Я, кажется, рассказывал вам о своей поездке в Париж – рассказывал? Да-да, конечно... Так вот, я должен был выполнить там некую скромную миссию. Я пообщался с рядом высокопоставленных персон и привез обратно кое-какие инструкции... Впрочем, сейчас это не важно. Как бы то ни было, складывается такое впечатление, что здешние власти информированы гораздо лучше, чем мы предполагали. Вот с чем я столкнулся. А вопрос, надо сказать, весьма деликатного свойства. И мне нужно быть чрезвычайно осторожным, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего.

– Может быть, вас даже пропустят по третьей степени.²¹

– Фу, Уильям, как вы можете говорить такие страшные вещи? Вы меня с ума сведете.

– Но Артур, это же будет... Я хотел сказать: а может быть, вам это придется по вкусу?

Артур хихикнул:

– Ха-ха. Ха-ха. Должен признать, Уильям, что даже в самый жуткий час ваше чувство юмора неизменно приходит мне на помощь... Ну что ж, если бы допрос вела фройляйн Анни или какая-нибудь другая столь же очаровательная юная леди, я, глядишь, и прошел бы через него с – э – так сказать, основательно смешанным чувством. Н-да. – Он беспокойным движением поскреб подбородок. – Мне будет совершенно необходима ваша моральная поддержка. Вы должны пойти со мной и подставить, так сказать, дружеское плечо. А если это, – он нервно-человечески оглянулся через плечо, – свидание закончится для меня плачевно, я бы попросил вас сходить к Байеру и рассказать ему, как было дело.

– Схожу. Непременно схожу.

Когда мы вышли из автобуса на Александерплац, беднягу Артура так трясло, что я предложил зайти в ресторан и выпить по рюмке коньяку. Сидя за маленьким столиком, мы глядели, как глыбится на той стороне проезжей части огромная тускло-коричневая масса полицейпрезидиума.

– Вражеская крепость, – сказал Артур, – в которую я, такой маленький и несчастный, должен отправиться совершенно один.

– Вспомните о Давиде и Голиафе.

– Что вы такое говорите. Боюсь, что нынче утром у меня с Псалмистом²² мало общего. Я скорее чувствую себя жуком, которого вот-вот переедет паровой каток... Знаете, что забавно: я с самых ранних лет инстинктивно недолюбливал полицию. Меня раздражает покроя их мундиров, а уж эти немецкие шлемы – они не просто отвратительны, в них, знаете ли, есть нечто зловещее. Стоит мне только увидеть, как один из этих монстров заполняет официальную форму своим нечеловеческим, как в детской прописи, почерком, и у меня возникает странное такое чувство – как будто екает что-то внутри.

– Да-да, прекрасно вас понимаю.

Артур немного приободрился:

– Я очень рад, что вы сейчас со мной, Уильям. Вы умеете так близко к сердцу принять чужую боль. И в день своей крестной муки я не мог бы пожелать себе наперсника лучшего, чем вы. Полная противоположность мерзавцу Шмидту, который только и делает, что злорадствует по поводу моих несчастий. Ничто не может доставить ему большего наслаждения, чем если он вдруг окажется вправе сказать: «А что я вам говорил».

– По большому счету ничего особенного они с вами там не сделают. Это над рабочими они могут измываться как хотят. Не забывайте: вы принадлежите к тому же классу, что и их хозяева. Вам только нужно сделать так, чтобы они об этом не забывали.

– Я попытаюсь, – с сомнением в голосе сказал Артур.

²¹ То есть через допрос с применением пыток.

²² Распространенное наименование библейского Давида у западных христиан.

– Еще коньяку?

– Да, пожалуй, не откажусь.

Вторая порция коньяку возымела эффект совершенно магический. Мы вышли из ресторана в тихое и влажное осеннее утро, смеясь, рука об руку.

– Смелей, товарищ Норрис. Думайте о Ленине.

– Боюсь, ха-ха, что меня скорее вдохновит маркиз де Сад.

Впрочем, атмосфера полицейской штаб-квартиры мигом его отрезвила. Со все большим и большим ощущением подавленности и страха мы вышагивали по бесконечным каменным коридорам с пронумерованными дверьми, сталкивались с чиновниками, несшими пухлые папки с досье на всевозможные преступления, нам то и дело указывали неверное направление и гоняли вверх-вниз по лестницам. Наконец мы оказались во внутреннем дворе, куда выходили ряды заложенных массивными коваными решетками окон.

– Господи ты боже мой, – застонал Артур, – боюсь, на сей раз мы сунули голову в такую западню, из которой нам уже не выбраться.

В ту же секунду откуда-то сверху раздался пронзительный свист.

– Привет, Артур!

Из-за решетки в одном из верхних окон на нас смотрел Отто.

– За что они тебя взяли? – весело прокричал он.

Прежде чем хоть кто-то из нас успел ответить, за спиной Отто появилась облаченная в мундир фигура и оттащила его от окна. Сценка получилась более чем краткой, однако успела произвести на нас обоих весьма удручающее впечатление.

– Кажется, они успели загрести всю вашу шайку, – криво ухмыльнувшись, сказал я.

– В самом деле, ничего не понимаю, – совершенно смешавшись, сказал Артур, – а вдруг они...

Мы прошли в арку, потом опять вверх по лестнице и попали в настоящий улей из крохотных комнатенок и темных коридоров. На каждом этаже стояли умывальники, выкрашенные в гигиенический зеленый цвет. Артур сверился со своей *Vorladung* и нашел-таки номер комнаты, в которую он должен был явиться. Мы попрощались торопливым шепотом.

– До свидания, Артур. Удачи. Подожду вас здесь.

– Спасибо вам, мой милый мальчик... А если все кончится плохо и я выйду из этой комнаты под стражей, не заговаривайте со мной и вообще не подавайте виду, что вы со мной знакомы, пока я сам первый с вами не заговорю. Было бы неразумно вовлекать во все это еще и вас... Вот адрес Байера; на случай, если вам придется идти туда одному.

– Уверен, что не придется.

– И знаете, что я еще хотел вам сказать, – в голосе у Артура появились скорбные интонации человека, поднимающегося по ступеням виселицы. – Сегодня утром по телефону я вам всякого наговорил, весьма опрометчиво с моей стороны. Но я был так расстроен... Если мы с вами больше не увидимся или увидимся очень не скоро, то я бы не хотел, чтобы у вас от нашей последней встречи остался неприятный осадок.

– Артур, перестаньте молоть чушь. Ничего подобного нет и быть не может. Идите с миром, и давайте побыстрее со всем этим покончим.

Он пожал мне руку, застенчиво постучал в дверь и скрылся за нею.

В ожидании я сел на скамью под кроваво-красным плакатом с объявлением награды за выдачу какого-то убийцы. На другом ее конце сидел толстый еврей, адвокат-трусобник, и его клиентка, заплаканная маленькая проститутка.

– Единственное, что ты должна запомнить раз и навсегда, – повторял он ей по сотому, наверное, разу, – с вечера шестого числа ты больше ни разу его не видела.

– Но они же все равно все из меня вытянут, – всхлипывала проститутка. – Как пить дать. Они так смотрят. А потом как вдруг о чем-нибудь спросят. И даже подумать некогда.

Артур вернулся почти через час. По его лицу я сразу понял, что беседа была вовсе не такой страшной, какой он ее себе представлял. Он очень спешил:

– Пойдемте, Уильям. Пойдемте. Не желаю оставаться здесь ни на секунду больше, чем то диктует необходимость.

Выйдя на улицу, он подозвал такси и велел шоферу ехать к отелю «Кайзерхоф», добавив привычную фразу:

– Только, если можно, не слишком быстро.

– Кайзерхоф! – воскликнул я. – Мы что, собираемся нанести визит Гитлеру?

– Нет, Уильям. Не собираемся... хотя, не могу не признать, легкий флирт с вражеским лагерем доставляет мне определенное удовольствие. Я уже говорил вам, что в последнее время взял себе в привычку ходить туда делать себе маникюр? Не говорил? У них работает прекрасный мастер. Сегодня, однако, цель у нас совсем другая. Штаб-квартира Байера тоже на Вильгельмштрассе. И было бы нехорошо с точки зрения конспирации ехать отсюда напрямик туда.

Засим последовала чистой воды комедия: мы зашли в отель, выпили в холле по чашке кофе и перелистали утренние газеты. Правда, к некоторому моему разочарованию, ни Гитлера, ни кого-либо другого из вождей наци мы так и не увидели. Через десять минут мы снова были на улице. Я поймал себя на том, что украдкой оглядываюсь по сторонам в поисках слежки. Мания преследования – болезнь заразная.

Байер занимал большую, пребывающую в полном беспорядке квартиру в одном из самых неухоженных домов по ту сторону Циммерштрассе. Контраст с тем, что Артур назвал «вражеским лагерем», с роскошным, холодно-мрачным, уставленным дорогой мягкой мебелью интерьером, в котором мы только что пили кофе, был и в самом деле разительный. Дверь в квартиру неизменно стояла настежь. Внутри стены были сплошь увешаны плакатами на немецком и на русском, объявлениями о массовых митингах и демонстрациях, антивоенными карикатурами, картами промышленных районов и графиками, отражающими масштабы и рост забастовочного движения. На голых дощатых полах – ни единого ковра. Постоянный и неотвязный стрекот пишущих машинок. Мужчины и женщины самого разного возраста сновали туда-сюда, болтали, сидя на перевернутых ящиках из-под сахара, в ожидании каких-то важных встреч; терпеливые, добродушные – и чувствовали себя как дома. Казалось, что незнакомых друг с другом людей здесь просто не бывает; стоило человеку войти, и его тут же окликали по имени. Впрочем, даже и к явным незнакомцам обращались на «ты». Курили все, и пол был усыпан раздавленными окурками.

Среди всей этой дружеской, энергичной суеты мы наконец нашли и Байера, он сидел в крохотной уютной комнатке и диктовал письмо барышне – той самой, которую я видел на сцене в Нойкёльне. Увидев Артура, он обрадовался, но ничуть не удивился:

– Ах, Норрис, здравствуйте-здравствуйте. Чем могу быть полезен?

По-английски он говорил, сильно налегая на слова и с достаточно резким акцентом. И кажется, мне еще ни разу в жизни не приходилось видеть таких прекрасных зубов.

– Уже успели пообщаться с нашими друзьями? – тут же добавил он.

– Да, – ответил Артур, – мы напрямик оттуда.

Барышня встала, вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Артур, скромно сложив обтянутые перчатками ладошки на коленях, начал рассказывать о своей встрече с полицейскими чиновниками в полицейпрезидиуме. Байер откинулся на спинку стула и стал слушать. У него были необычайно, почти нечеловечески живые глаза какого-то редкостного, темного, красно-коричневого оттенка. Взгляд – прямой, даже с вызовом, и полный смеха, хотя на губах – ни тени улыбки. Он слушал Артура; его лицо и тело пребывали в состоянии полного покоя. Он ни разу не кивнул, не переменил позы, не пошевелил пальцами. В самом этом спокойствии была какая-то могучая, едва ли не гипнотическая уверенность в себе. И Артур тоже не мог ее не почувствовать; он нервно ерзал на стуле и старался не смотреть Байеру в глаза.

Для начала Артур заверил нас в том, что чиновники обращались с ним крайне предупредительно. Один сразу помог ему снять пальто и шляпу, а второй предложил присесть – и сигару. Артур сел, но от сигары отказался; на этом факте он настаивал особо, так, словно приводил его в качестве свидетельства собственной чистоты и стойкости. Вслед за тем чиновник, по-прежнему сама любезность, попросил разрешения закурить. Артур ему в разрешении не отказал.

Затем начался разговор на тему коммерческой деятельности Артура в Берлине, перекрестный допрос, замаскированный под легкую болтовню. Здесь Артур в детали вдаваться не стал. «Вам это будет неинтересно», – сказал он Байеру. Тем не менее я для себя успел сделать вывод, что вежливым чиновникам удалось изрядно его напугать. Они слишком много знали.

Покончив с preliminariaми, они перешли к истинной сути дела. «Насколько мы понимаем, мистер Норрис, вы недавно совершили поездку в Париж. Эта поездка была как-то связана с вашим частным бизнесом?»

К такому повороту дела Артур, конечно, подготовился заранее. Может быть, даже слишком хорошо подготовился. Его версия событий отличалась обилием подробностей. Но чиновник выпустил из нее воздух одним-единственным вежливым вопросом. Он назвал имя и адрес, по которому мистер Норрис дважды нанес визит, вечером в день прибытия и утром в день отъезда. И там он тоже обсуждал материи, связанные с его частными деловыми интересами? Артура как будто обухом по голове ударили. И тем не менее он, по его словам, действовал с крайней степенью осторожности. «Я, конечно, не настолько глуп, чтобы с порога все отрицать. Я как бы ненароком спустил все это дело на тормозах. Мне кажется, я произвел на них впечатление. Они были потрясены, честное слово, в буквальном смысле слова потрясены».

Артур выдержал паузу и скромно добавил: «Льщу себя мыслью, что на определенного рода ситуациях я, так сказать, собаку съел. И не одну».

Судя по тону, здесь ожидалась некая реакция со стороны собеседника: одобрение, поддержка, что-нибудь в этом роде. Но Байер не выразил ни одобрения, ни поддержки, он не двинул пальцем и не сказал ни слова. Его темно-карие глаза все так же внимательно глядели на Артура – улыбочивые, умные, бдительные. Артур кашлянул, коротко и нервно.

Стараясь хоть как-то прорвать это спокойное, гипнотическое молчание, он постарался выжать из своего рассказа все, что мог. Говорил он, должно быть, не менее получаса, хотя, в общем-то, рассказывать больше было не о чем. Полиция, продемонстрировав истинный уровень своей осведомленности, поспешила заверить мистера Норриса в том, что его частная деятельность ни в малой степени ее не интересует до тех пор, куда поле этой деятельности лежит за пределами Германии. Что же касается Германии, то тут вопрос совершенно другой. Германская республика всегда рада гостям, однако просит их не забывать о том, что законы гостеприимства ко многому обязывают не только хозяина, но в не меньшей степени и самого гостя. Короче говоря, было бы очень жаль, если бы Германской республике пришлось лишиться себя удовольствия, которое доставляет ей общество мистера Норриса. Чиновник выразил глубокую уверенность в том, что мистер Норрис, как человек светский, вполне его поймет.

В самом конце, когда Артуру уже подали пальто и шляпу и он уже совсем было направился к выходу, прозвучал еще один вопрос, заданный таким тоном, что сразу стало ясно, что он не имеет ни малейшего касательства ко всему, о чем прежде шла речь: «Вы недавно вступили в коммунистическую партию?»

– Я, конечно, сразу заметил расставленную мне ловушку, – сказал нам Артур. – Это была просто-напросто ловушка. Но думать приходилось быстро; малейшее колебание при ответе сыграло бы самую что ни на есть роковую роль. Именно на такие детали они прежде всего и обращают внимание... Я не являюсь членом ни коммунистической партии, сказал я им, ни какой-либо другой организации левого толка. Просто-напросто мне импонирует позиция КПП

по ряду неполитических вопросов... Мне кажется, я правильно поступил? По крайней мере, мне показалось, что так будет правильно. Н-да.

Тут Байер наконец улыбнулся и открыл рот:

– Вы действовали совершенно верно, дорогой мой Норрис. – Казалось, что-то в рассказе Артура изрядно его позабавило.

Артура словно за ушками почесали.

– Товарищ Брэдшоу оказал мне неоценимую помощь.

– В самом деле?

Байер и не подумал спрашивать, какую.

– Вы интересуетесь нашим движением?

Его глаза в первый раз за все это время цепко прошлись по мне. Нет, впечатления на него я не произвел. Но и отбраковывать меня с порога он тоже не собирался. Молодой буржуазный интеллект, подумал он. Энтузиаст, до определенных пределов. Образован, в определенных пределах. Если говорить с ним, попутно переводя сказанное на язык его класса, можно рассчитывать на вполне здравую ответную реакцию. Может принести определенную, не слишком значительную пользу: всякий человек хоть на что-нибудь, да сгодится. Я почувствовал, как заливаюсь краской.

– Я бы хотел помочь вам, если бы знал, как, – сказал я.

– Вы говорите по-немецки?

– Он прекрасно говорит по-немецки, – тут же встрял Артур, похожий на беспокойную мамашу, которая пытается отрекомендовать своего сына главе университетского колледжа. Байер улыбнулся и оглядел меня еще раз:

– Ну что ж.

Он порылся в бумажных залежах на столе:

– Есть одна работа, для которой вы вполне бы могли сгодиться. Вот это нужно будет перевести на английский. Сможете? Это отчет о нашей деятельности за прошлый год. Впрочем, сами увидите. Заодно получше разберетесь в том, чего мы добиваемся. Я думаю, вас это заинтересует.

Он вручил мне толстую пачку бумаги и встал из-за стола. Ростом он был даже меньше, а в плечах – шире, чем показался мне тогда на сцене. Он положил руку Артуру на плечо.

– Все, что вы мне рассказали, – крайне интересно. – Он пожал нам обоим руки и расцвел широчайшей – прощальной – улыбкой. – А вы уж будьте добры, – шутливо добавил он, обращаясь к Артуру, – не втягивайте молодого человека в ваши темные дела.

– Нет, что вы, уверяю вас, мне бы такое и в голову не пришло. Его безопасность и благополучие мне дороги почти так же, как мои собственные, – хотя, конечно, в несколько меньшей степени... Ну, ха-ха-ха, не стану больше отнимать у вас вашего драгоценного времени. До свидания.

Разговор с Байером вернул Артуру приподнятое состояние духа:

– Вы произвели на него благоприятное впечатление, Уильям. Нет-нет, уж вы мне поверьте. Я это сразу понял. А он по части человеческой природы тот еще дока. Мне кажется, ему понравилось, как я вел себя на Александерплац. Как вы считаете?

– Наверняка понравилось.

– Вот и мне так показалось.

– А кто он вообще такой? – спросил я.

– Я сам почти ничего о нем не знаю, Уильям. Слышал, что начинал он как химик-исследователь. Не думаю, чтобы родители у него были из рабочих. По нему не скажешь, ведь правда? В любом случае его настоящая фамилия никак не Байер.

После этой встречи мне захотелось увидеться с Байером еще раз. С переводом я покончил быстро, как только смог, выкраивая время в перерывах между уроками. Ушло на это два дня. Рукопись представляла собой отчет о целях и обстоятельствах осуществления ряда забастовок, а также о мерах, принятых для обеспечения семей бастующих одеждой и продовольствием. Главную трудность представляли многочисленные и постоянно встречающиеся в тексте аббревиатуры, начальные буквы каких-то причастных к делу организаций. Поскольку я понятия не имел, как большая часть этих организаций называется по-английски, придумать, как и чем заменить эти аббревиатуры, я тоже был не в состоянии.

– Это не так уж и важно, – ответил Байер, когда я задал ему этот вопрос. – Мы сами доведем все, что нужно, до ума.

Было в самом его тоне что-то неуловимо для меня унижительное. Рукопись, которую он дал мне для перевода, не представляла ровным счетом никакой важности. Вероятнее всего, ее даже не станут отправлять в Англию. Байер дал ее мне вместо игрушки, чтобы избавиться от назойливого и бесполезного для дела восторженного юноши как минимум на неделю.

– Ну как работа, заинтересовала? – продолжил он. – Рад. В наши дни каждый человек обязан быть в той или иной степени осведомлен об этой проблеме. Вы читали что-нибудь у Маркса?

Я ответил, что как-то раз пытался продраться через *Das Kapital*.

– Ну, для начала это слишком. Попробуйте начать с «Коммунистического манифеста». И с некоторых брошюр Ленина. Погодите, я вам сейчас достану...

Он был само дружелюбие. И совсем не спешил от меня отделаться. Неужто у него и вправду не было на сегодняшний вечер никаких более важных дел? Он спросил меня об условиях жизни в лондонском Ист-Энде, и я попытался восстановить в памяти впечатления, оставшиеся с тех пор, как три года тому назад я прожил там несколько дней в, так сказать, познавательных целях. Его внимание уже само по себе льстило и рождало ответную потребность быть полезным. Почти все время говорил я, а он меня слушал. Получасом позже, когда с книгами и еще одним переводом под мышкой я совсем было собрался попрощаться, Байер внезапно задал мне вопрос:

– А вы давно знакомы с Норрисом?

– Уже больше года, – машинально ответил я, не успев сообразить, к чему, собственно, меня об этом спрашивают.

– В самом деле? И где вы познакомились?

На сей раз особенности его интонации от моего внимания не ускользнули. Я пристально посмотрел на него. Но в этих необычайных глазах не было ни тени подозрительности, ни тени угрозы или лукавства. С мягкой улыбкой на лице он просто сидел и ждал моего ответа.

– Мы познакомились в поезде, по пути в Берлин.

Во взгляде Байера мелькнула тень удивления. И с обезоруживающей, мягкой прямоотой он спросил:

– Вы с ним действительно близко дружите? Вы часто видитесь?

– Да. Очень часто.

– У вас, должно быть, не слишком много друзей-англичан здесь, в Берлине?

– Да, конечно.

Байер с серьезной миной кивнул. А потом встал из-за стола и протянул мне руку:

– Мне пора. Работа. Если захотите о чем-нибудь мне рассказать, пожалуйста, не стесняйтесь, приходите в любое удобное для вас время.

– Большое спасибо.

Ну вот все и прояснилось, думал я, спускаясь по замусоренной лестнице. Никто здесь и не думал доверять Артуру. Байер тоже ему не доверяет, но готов использовать его в своих интересах, приняв должные меры предосторожности. А заодно использовать и меня, потому

что шпиона удобнее, чем я, ему не найти. Нет смысла посвящать меня в какие бы то ни было тайны. Из меня и так не составит никакого труда выкачать любую интересующую его в данный момент информацию. Я был зол, но отчасти эта ситуация меня и позабавила.

В конце концов кто я такой, чтобы судить.

Глава седьмая

Отто объявился у Артура примерно неделю спустя, небритый и исхудавший. Из тюрьмы его выпустили за день до этого. В тот вечер я как раз зашел к Артуру и застал их в столовой доедающими более чем плотный ужин.

– А что вам давали по воскресеньям? – еще с порога услышал я вопрос. – У нас был гороховый суп с колбасой. Совсем недурно.

– Ну-ка, ну-ка, – задумался Артур. – Боюсь, так вот сразу не вспомню. Во всяком случае, аппетита у меня все равно не было... Ах, Уильям, дорогой мой, это вы! Садитесь, прошу вас. Конечно, если вам не претит общество двух старых тюремных крыс. Мы с Отто как раз обменивались впечатлениями.

За день до того, как мы с Артуром нанесли визит на Александерплац, у Отто с Анни вышла ссора. Отто хотел дать пятнадцать пфеннигов человеку, который собирал деньги в фонд МАБ. Анни же никак не желала на это соглашаться «из принципа». «С какой, спрашивается, стати эти грязные коммунисты должны получать мои деньги? – сказала она. – Мне они, между прочим, тоже не даром достаются». Притяжательное местоимение вступило в противоречие с тем статусом и с теми правами, которыми, с точки зрения Отто, он обладал; он великодушно не стал обращать на это внимания. Но прилагательного он стерпеть не мог никак. Он влепил ей пощечину, «не сильную», как он нас уверял, которой, однако, хватило, чтобы Анни кувырком перелетела через кровать и ударилась головой о стену; от удара забранная в рамку фотография Сталина слетела с гвоздика и упала на пол; стекло разбилось. Анни стала всячески ругаться и плакать. «Будешь знать, как говорить о вещах, в которых ничего не смыслишь», – сказал ей на это Отто тоном вполне примирительным. Они вообще довольно часто ссорились из-за коммунизма. «Ты у меня уже вот где сидишь, – закричала тогда Анни, – ты и твои чертовы красные. Убирайся вон!» Она швырнула в него рамкой от фотографии, но не попала.

Тщательно обдумав всю эту историю в ближайшем *Lokal*,²³ Отто пришел к выводу, что пострадавшей стороной является он. Обиженный и злой, он стал пить *Korn*.²⁴ И выпил немало. Он пил до девяти часов вечера, а потом пришел со своей корзиной знакомый парень по имени Эрих, который продает крекеры, ходит по кафе и ресторанчикам во всей округе, передает весточки и разносит сплетни. Он сказал Отто, что только что видел Анни в нацистском *Lokal* на Кройцберге с Вернером Бальдовом.

Вернер был старый враг Отто: как политический, так и личный. Год тому назад он вышел из коммунистической ячейки, к которой принадлежал Отто, и вступил в местный нацистский штурмовой отряд. А к Анни он всегда неровно дышал. Отто, который уже успел набраться под самую завязку, сделал нечто такое, что трезвому ему никогда бы даже и в голову не пришло; он вскочил и отправился, один как перст, в нацистский *Lokal*. Двое полицейских, которые минуты через две после того, как он туда вошел, проходили мимо, вероятнее всего, спасли его от множественных переломов. Его как раз успели выкинуть оттуда во второй раз, и он собирался попробовать в третий. Полицейским стоило немалого труда его увести; он дрался и брыкался вплоть до самого участка. Возмущенные нацисты, естественно, тут же все переврали. На следующий день в их газетах этот инцидент принял форму «трусливого и вероломного нападения на национал-социалистический *Lokal* группы из десяти вооруженных коммунистов, девятерым из которых успешно удалось скрыться». У Отто в бумажнике была даже вырезка из газеты, каковую он с гордостью нам и продемонстрировал. До самого Вернера ему добраться так и не удалось. Как только он появился в *Lokal*, Вернер с Анни тут же ушли в заднюю комнату.

²³ Пивная (нем.).

²⁴ Хлебная водка (нем.).

– Вот пусть теперь с ней и целуется, с этой грязной сучкой, – яростно добавил Отто. – Она мне теперь и даром не нужна, пускай хоть на коленях ползает.

– Да уж, да уж, – автоматически подхватив привычную тему, начал Артур, – такие нынче времена, тебе мешают жить...

И оборвал себя на полуслове. Что-то было не так. Он прошелся беспокойным взглядом по выстроившимся в боевой порядок чашечкам и блюдам, похожий на актера, которого лишили законной реплики. Заварочного чайника на столе не было.

Буквально через несколько дней Артур позвонил мне, чтобы сообщить, что Отто с Анни помирились.

– Я так и знал, что вы будете рады. Не могу не добавить, что до некоторой степени я сам выступил в качестве инструмента для наведения, так сказать, мостов. Н-да... Блаженны миротворцы... Если уж совсем начистоту, мне очень хотелось добиться примирения именно сейчас ввиду одной маленькой годовщины, которая приходится не далее как на следующую среду... Вы не знали? Да-да, мне стукнет пятьдесят три. Благодарю вас, мой милый мальчик. Благодарю вас. Должен признаться, не так-то легко привыкнуть к мысли, что листва моя желтеет... Ну а теперь – могу я пригласить вас на этакий пустячный банкетик? Прекрасный пол также будет представлен. Помимо воссоединившейся пары будут мадам Ольга и еще две мои в высшей степени сомнительные и очаровательные знакомые. Я велю снять в гостиной с пола ковер, чтобы молодежь могла потанцевать. Будет довольно мило, как вы считаете?

– Действительно, очень мило с вашей стороны.

В среду вечером мне пришлось провести совершенно незапланированный урок, и к Артуру на квартиру я приехал позже, чем намеревался. Внизу, у парадного, меня ждал Герман.

– Простите меня, ради бога, – сказал я. – Надеюсь, вы не очень долго тут стоите.

– Все в порядке, – коротко ответил Герман. Он отпер дверь и провел меня вверх по лестнице. Нет, какое он все-таки унылое существо, подумал я. Даже ради дня рождения не расстанется с этой вечно кислой миной.

Артура я обнаружил в гостиной. Он, без пиджака и жилета, откинулся на спинку дивана, сложив на коленях ладошки.

– А вот и вы, Уильям.

– Артур, ради всего святого, не сердитесь на меня. Я спешил, как только мог. Думал, никогда не выберусь. Ни с того ни с сего пришла та дамочка, про которую я вам рассказывал, и потребовала дать ей двухчасовой урок, прямо здесь и сейчас. Проще говоря, ей нужно было рассказать мне о том, что еще успела натворить ее дочка. Я думал, она никогда не оставится... Да, а что, собственно, случилось? На вас лица нет.

Артур печально поскреб подбородок:

– Мальчик мой, я страшно подавлен.

– Но почему? С какой стати?... Да, и где все остальные гости? Еще не приходили?

– Приходили. И я был вынужден отправить их восвояси.

– Так значит, вы *все-таки* заболели?

– Нет, Уильям. Не заболел. Боюсь, что я просто старею. Всегда боялся сцен, а сегодня решил, что ничего такого я просто не вынесу.

– А кто собирался устроить вам сцену?

Артур медленно встал с дивана. И вдруг я увидел, каким он будет через двадцать лет: довольно жалкий старичок с нетвердой походкой.

– Это долгая история, Уильям. Может быть, сперва перекусим? Боюсь, что ничем, кроме омлета и пива, вас угостить не смогу; если у нас еще осталось пиво.

– Осталось или нет, не имеет значения. У меня для вас скромный подарок.

Я вынул бутылку коньяка, которую все это время держал за спиной.

– Мой дорогой мальчик, вы меня просто пугаете. Не стоило, знаете. Право, не стоило. Вы уверены, что можете себе это позволить?

– Легко. Мне в последнее время удается откладывать немалые деньги.

– А я всегда воспринимал, – Артур печально покачал головой, – способность откладывать деньги как способность едва ли не волшебную.

Мы прошли по тому месту, где недавно лежал ковер, и звук наших шагов по голым доскам отдавался непривычным и гулким эхом.

– Все было готово для веселья, но тут явился призрак и праздника не стало. – Артур нервно хихикнул и потер ладошки.

Но мрачный Призрак, немой укор,
Мне подал знак, наложив запрет
На песни, на дружеский разговор,
На хлеб и вино и на яркий свет!

– В самую точку, а, как вам кажется? Надеюсь, вы узнали Уильяма Уотсона?²⁵ Я всегда считал его величайшим из современных поэтов.

Столовая была украшена к празднику бумажными гирляндами; над столом висели китайские фонарики. Увидев их, Артур покачал головой:

– Может быть, снимем все это, а, Уильям? Как вы считаете, они не испортят вам настроения – окончательно?

– С какой стати? – ответил я. – Они разве для этого предназначены? В конце концов, что бы там ни случилось, у вас все равно сегодня день рождения.

– Ну что ж. Может быть, вы и правы. У вас такой философский склад ума. Боже, какие жестокие удары нам иногда наносит жизнь.

Герман мрачно внес омлет. И с горечью, но и не без толики скрытого удовольствия доложил, что масла в доме нет ни грамма.

– Нет масла, – повторил за ним Артур. – Масла нет. Как хозяин я попросту уничтожен... Кто бы мог подумать, видя мое нынешнее унижение, что мне случалось принимать под своей кровлей сразу по нескольку особ королевской крови? Сегодня вечером я намеревался закатить вам роскошнейшее из пиршеств. Не стану цитировать меню, чтобы не раздражать лишний раз вашего аппетита.

– А по-моему, так и омлет весьма неплох. Может быть, вы все-таки зря распустили гостей по домам?

– Распустил, Уильям. Распустил. К несчастью, просить их остаться было никак невозможно. Вызвать неудовольствие Анни – что может быть страшнее? Она наверняка ожидала, что стол будет ломиться от яств... К тому же Герман уже тогда мне сказал, что даже яиц в доме осталось совсем немного.

– Артур, а теперь давайте выкладываем начистоту: что случилось?

²⁵ Сэр Уильям Уотсон (1858–1935) – английский поэт. Восторженный отзыв мистера Норриса многое говорит о его собственном характере и пристрастиях. Во-первых, Уотсона никак нельзя назвать поэтом не то что великим, но даже оригинальным, поскольку творчество его носит эпигонский характер, а первейшим образцом является лорд Альфред Теннисон. Во-вторых, употребленное Артуром в отношении Уотсона определение *modern*, которое можно перевести как «современный», а можно и как «модерновый» или «модернистский», запоздало к началу 1930-х гг. примерно лет на тридцать. Главные тексты Уотсона появлялись в умеренно «модерновых» английских изданиях в 1890-х гг., а том избранных стихотворений вышел из печати в 1899 г. (переиздан в 1906). После собственно «модернистской» литературной революции и выхода классических для этого периода текстов Т. С. Элиота и Эзры Паунда (первые «Santos» увидели свет в 1930 г.), не говоря уже о прочих английских и американских поэтах-модернистах, Уильям Уотсон воспринимался примерно так же, как в России после футуристов и ОБЭРИУ мог восприниматься Надсон.

Он улыбнулся; я был слишком нетерпелив, а он, как всегда, любил поиграть в таинственность. Потом задумчиво защемил подбородок между большим и указательным пальцами:

– Ну что ж, Уильям, та довольно-таки мерзкая история, которую я вам сейчас поведаю, строится вокруг ковра из моей гостиной.

– Который вы сняли, чтобы удобней было танцевать?

Артур покачал головой:

– Как ни жаль, сняли его вовсе не для танцев. Это была всего лишь *façon de parler*.²⁶ Я не хотел без лишней надобности терзать вашу чувствительную душу.

– То есть вы его продали?

– Не продал, Уильям. Как будто вы первый день меня знаете. Я продаю вещь только в том случае, если не могу ее заложить.

– Очень жаль. Ковер был славный.

– Да, был... И стоил гораздо больше тех двухсот марок, которые мне за него дали. Но в наше время рассчитывать на большее не приходится... Во всяком случае, этого бы вполне хватило, чтобы покрыть расходы на запланированное маленькое торжество. К несчастью, – тут Артур бросил взгляд в сторону двери, – орлиный или, лучше сказать, острый, как у стервятника, глаз Шмидта споткнулся о зияние на том месте, где раньше был ковер, а его сверхъестественная проницательность позволила ему практически с ходу опровергнуть все придуманные мною объяснения. Он был со мной так жесток. Так строг... Короче говоря, в итоге более чем неприятного разговора я остался один с суммой в четыре марки семьдесят пять пфеннигов. Последние двадцать пять пфеннигов ушли в результате того, что в последний момент ему, к несчастью, пришла в голову запоздавшая мысль. Он поехал домой на автобусе, и ему понадобились двадцать пять пфеннигов, чтобы заплатить за билет.

– Он что, и в самом деле унес все ваши деньги?

– Да-да, ведь это же *мои* деньги, разве не так? – Артур с готовностью ухватился за малейшую возможность одобрения с моей стороны. – Так я ему и сказал. Но он все кричал на меня и кричал, жутко кричал.

– Просто неслыханно. А почему бы вам его просто-напросто не уволить?

– Что ж, Уильям, вам я скажу, почему. Причина элементарная. Я должен ему содержание за девять месяцев.

– Н-да, что-то в этом духе я и предполагал. Тем не менее это не повод для того, чтобы позволять кричать на себя. Я бы на вашем месте ничего подобного терпеть не стал.

– Ах, милый мой мальчик, вы, право, такой непреклонный. Жаль, что вас здесь не было и некому было меня защитить. Мне кажется, вы бы сумели дать ему отпор. Хотя, должен вам заметить, – с сомнением добавил Артур, – Шмидт, если захочет, тоже может быть человеком страшно твердым.

– Но Артур, вы что, всерьез пытаетесь убедить меня в том, что планировали потратить двести марок, чтобы накормить обедом семь человек? Бросьте вы сказки рассказывать.

– Я хотел, чтоб были подарки, – кротко сказал Артур. – Каждому из вас какую-нибудь мелочь на память.

– Оно, конечно, было бы очень мило с вашей стороны... Но по-моему, это все-таки чистой воды блажь. Вы питаетесь одной яичницей, но как только к вам в руки попадает некоторая сумма денег, вы тут же торопитесь пустить ее на ветер.

– Только, пожалуйста, Уильям, хоть *вы-то* не читайте мне морали, а не то я, право, заплачусь. Я не могу отказать себе в удовлетворении своих маленьких слабостей. Жизнь и в самом деле потеряла бы всякий блеск, если бы мы хотя бы время от времени не могли закатить себе пиршества.

²⁶ Фигура речи (*фр.*).

– Ладно, – рассмеялся я. – Морали читать я не стану. Может быть, на вашем месте я сделал бы то же самое.

После ужина, когда мы, захватив бутылку коньяка, вернулись в обездоленную гостиную, я спросил у Артура, давно ли он виделся с Байером. И поразился тому, как при упоминании этой фамилии изменилось его лицо. Он сварливо поджал губки и, стараясь не глядеть мне в глаза, нахмурился и мотнул головой:

– Я стараюсь без особых причин там не появляться.

– Что так?

Не часто мне приходилось видеть его в подобном расположении духа. Казалось, он все-рез обиделся на меня за то, что я вообще поднял эту тему. Какое-то время он молчал. А потом вдруг взорвался, совершенно по-детски:

– Не появляюсь, потому что не хочу появляться. Потому что мне там не нравится. Там жуткий беспорядок. Меня это угнетает. Я человек тонкий, и полное отсутствие какого бы то ни было порядка не может меня не возмущать... Вы знаете, что на днях Байер потерял один очень важный документ? И как вы думаете, где этот документ в конечном счете отыскался? В корзине для мусора. И к тому же... как только подумаешь, что эти люди получают зарплату из денег, выкроенных рабочими из своих и без того нищенских заработков... Просто сердце кровью обливается... А еще, там просто пруд пруди агентов. Байеру даже имена их известны. И что он, спрашивается, предпринял по этому поводу? Ничего. Ровным счетом ничего. Ему как будто и дела нет. Вот что меня больше всего возмущает: та совершеннейшая беспечность, с которой там ведут работу. Были бы мы в России, всех этих шпииков быстренько бы поставили к ближайшей стенке.

Я усмехнулся. Артур в качестве воинствующего революционера – это было что-то новенькое.

– Но вы же, помнится, так им восхищались.

– Ну, по-своему он, конечно, человек весьма способный. Кто бы сомневался. – Артур яростно потер подбородок: обнажились зубы, знакомая маска старого плененного льва. И добавил: – Я в Байере разочаровался. Очень разочаровался.

– В самом деле?

– Да.

Его явно так и подмывало чем-то со мной поделиться, и если бы не последний барьер врожденной осмотрительности... Но нет. Искушение было слишком сильным:

– Уильям, если я вам сейчас кое о чем расскажу... но только вы должны поклясться мне всем, что только есть у вас самого святого, что дальше вас эта история не пойдет.

– Обещаю.

– Ну ладно. Когда я доверился партии или, вернее, пообещал ей свою помощь (не подобало бы мне самому об этом говорить, но я тот самый человек, который мог ввести их в такие сферы, куда прежде они попасть и не мечтали...)

– Ничуть в этом не сомневаюсь.

– А потому я сразу оговорил, что, как мне кажется, было вполне естественно с моей стороны, в некотором роде (как бы поизыщней выразиться?) – ну, скажем – некое *qui pro quo*.²⁷

Артур помедлил и выжидающе на меня посмотрел:

– Надеюсь, Уильям, вас это не шокирует?

– Ни в малейшей степени.

– Прекрасно. Я сразу должен был догадаться, что вы на такого рода предметы станете смотреть с разумной точки зрения... В конце концов, мы люди светские. Лозунги, флаги, транспаранты – это все прекрасно для тех, кто шагает плечом к плечу в общем строю, но

²⁷ Здесь: услуга за услугу (лат.).

вождям-то хорошо известно, что политические кампании невозможны без серьезного финансового обеспечения. Перед тем как сделать решительный шаг, я об этом поговорил с Байером, и, должен сказать, он оказался человеком весьма трезво мыслящим. Он сразу понял, что, будучи связан пятью тысячами фунтов долга, я...

– Господи, неужели так много?

– Да-да, как это ни прискорбно. Конечно, далеко не все из этих обязательств в равной степени не терпят отлагательств... О чем это я? Ах да. Будучи связан пятью тысячами фунтов долга, я вряд ли мог оказать нашему общему делу серьезную помощь. Как вы сами прекрасно знаете, я жертва вульгарнейших по сути своей затруднений...

– И Байер согласился заплатить по некоторым из ваших счетов?

– Вы, как всегда, берете быка за рога, Уильям. В общем, да, можно сказать, что он мне намекнул, весьма прозрачно намекнул, что Москва не останется передо мной в долгу, если я с успехом выполню мое первое поручение. Я выполнил. И Байер первый признает, что с этой стороны ко мне претензий никаких. И что же дальше? А ничего. Конечно, я понимаю, что полностью возлагать вину на него одного было бы нелепо. И он сам, и машинистки, и все, кто у него там работает, порой вынуждены месяцами ждать обещанных денег. Но согласитесь, все равно досадно. И я не могу отделаться от мысли, что если бы он захотел надавить как следует где нужно и на кого нужно... А его, кажется, даже забавляет, когда я прихожу к нему и говорю, что едва наскребаю денег на то, чтобы как следует поесть... Вы в курсе, что я до сих пор не расплатился за ту поездку в Париж? Мне пришлось платить за проезд из собственного кармана; и естественнейшим образом рассчитывая на то, что уж дорожные-то расходы мне обязательно будут компенсированы, я поехал первым классом.

– Бедный Артур! – Мне стоило изрядного труда удержаться от смеха. – И что же вы теперь будете делать? Имеет смысл рассчитывать на то, что в конечном счете вам все-таки заплатят?

– Думаю, ни малейшего, – с мрачной миной сказал Артур.

– Послушайте, а давайте я вам ссужу хоть сколько-то. У меня есть десять марок.

– Нет, Уильям, благодарю вас. Я ценю ваш порыв, но брать у вас в долг – увольте. У меня такое чувство, что это подорвало бы нашу прекрасную дружбу. Нет, я подожду еще пару дней, а потом придется предпринять определенного рода шаги. А если и это не возымеет эффекта, я знаю, что мне делать дальше.

– Загадки, загадки.

На какой-то миг мне даже показалось: а не подумывает ли Артур свести счета с жизнью? Однако сама мысль о том, что он попытается покончить жизнь самоубийством, была настолько нелепой, что я невольно улыбнулся.

– Да нет, надеюсь, что все у вас наладится, – сказал я, и мы стали прощаться.

– Я тоже, дорогой мой Уильям, я тоже искренне на это надеюсь. – Артур осторожно выглянул на лестницу. – И не забудьте передать от меня поклон божественной Шрёдер.

– В самом деле, Артур, почему бы вам в ближайшее же время к нам не заглянуть? Сто лет уже не бывали. Она без вас положительно чахнет.

– С превеликим удовольствием – как только разделаюсь со всеми этими напастями. Если, конечно, я с ними когда-нибудь разделаюсь. – Артур глубоко вздохнул. – Доброй ночи, дорогой мой мальчик. Храни вас Бог.

Глава восьмая

На следующий день, в четверг, я был занят уроками. В пятницу я несколько раз пытался прозвониться к Артуру на квартиру, но номер был неизменно занят. В субботу я уехал на выходные к друзьям в Гамбург и вернулся в Берлин только в понедельник, ближе к вечеру. В тот же вечер я снова набрал номер Артура, чтобы рассказать ему о поездке; ответа по-прежнему не было. Я звонил четыре раза с промежутками в полчаса, а потом запросил телефонистку. Она на официальном жаргоне объяснила мне, что «аппарат абонента более не используется».

Не то чтобы я очень этому удивился. При нынешнем состоянии Артуровых финансов вряд ли стоило ожидать, что он станет платить по телефонным счетам. И тем не менее, подумал я, он мог бы зайти ко мне или хотя бы передать весточку. Впрочем, и он тоже наверняка был сильно занят.

Прошло еще три дня. Такого, чтобы за целую неделю мы с ним ни разу не встретились или хотя бы не переговорили по телефону, мне даже и припомнить было нелегко. Артур мог заболеть. И чем чаще я об этом думал, тем больше крепла во мне уверенность, что его молчание объясняется именно этим. У него долги, и он очень переживает по этому поводу: вполне мог довести себя до нервного срыва. А я за все это время даже ни разу о нем не побеспокоился. Внезапно мной овладело острое чувство вины. Сегодня же после обеда, решил я, зайду и навещу его.

Шел я быстро, повинувшись не то какому-то смутному предчувствию, не то угрызениям совести, а потому добрался до Курбьештрассе в рекордные сроки: быстро взбежал по лестнице и, даже не успев перевести дыхания, нажал кнопку звонка. В конце концов, Артур уже не мальчик. Такая жизнь, как у него, ломает кого угодно, а у него слабое сердце. Новости могут оказаться более чем серьезными. Если, скажем, вдруг... ба, а это еще что такое? Я так спешил, что, скорее всего, просто ошибся этажом. На двери, у которой я стоял, не было таблички с именем: то была чужая дверь. Вот так всегда: стоит только дать волю нервам – и тут же начинают происходить совершенно нелепые, совершенно идиотские случайности. Мой первый импульс был бежать вверх или вниз по лестнице, я не был уверен, куда именно. Но ведь, в конце концов, я позвонил к людям в дверь. И будет лучше всего, если я дождусь, пока кто-нибудь не выйдет ко мне, так, чтобы я смог объясниться.

Я стал ждать; минуту, две, три. Дверь не открывалась. Судя по всему, никого не оказалось дома. Ну что ж, не придется строить из себя дурака.

Но тут я заметил еще кое-что. На обеих дверях видны были маленькие квадратики, более темные, чем остальное дерево. Не узнать в них следы, оставшиеся от снятых табличек с именем хозяина квартиры, было просто невозможно. Теперь я углядел даже крошечные отверстия на тех местах, где раньше были ввернуты шурупы.

Мной овладело нечто вроде паники. За полминуты я успел взбежать вверх по лестнице, до самого конца, а потом спуститься вниз, и тоже до упора; очень легко и быстро, как бегаешь порой в кошмарном сне. Двух табличек с фамилией Артура нигде не было видно. Впрочем, стоп: может быть, я вообще зашел не в тот дом. Случались со мной конфузы и почище этого. Я вышел на улицу взглянуть на номер над дверью. Нет, никакой ошибки не было.

Я понятия не имею, в какие тяжкие я пустился бы дальше, если бы в эту минуту не появилась консьержка. Она знала меня в лицо и кивнула – не слишком любезно. К Артуру ходили явно не самые приятные, с ее точки зрения, люди. А после визитов пристава о доме и вовсе, вне всякого сомнения, пошла дурная слава.

– Если вы ищете своего друга, – она как-то не по-хорошему старательно сделала особый акцент на последнем слове, – то вы опоздали. Он уехал.

– Уехал?

– Так точно. Два дня назад. Квартира сдается. А вы что, не знали?

Должно быть, мина смятения на моем лице была настолько комичной, что она – этак через губу – добавила:

– Вы не единственный, кого он не поставил об этом в известность. Тут таких уже с дюжину приходило. Что, денег вам остался должен?

– Куда он уехал?

– Вот уж не знаю, да и мне-то какое дело? Заходит сюда этот его повар, забирает почту. Вот у него и спросите.

– Не могу. Я не знаю, где он живет.

– Ну, тогда ничем не могу вам помочь, – сказала консьержка с каким-то злобным удовлетворением. Должно быть, Артур редко давал ей на чай. – Почему бы вам не обратиться в полицию?

С этим заключительным аккордом она скрылась в своей кабинке и захлопнула дверь. Я медленно пошел вниз по улице, чувствуя внутри нечто вроде оцепенения.

Однако ответ на свой вопрос я получил довольно скоро. На следующее же утро пришло письмо с обратным адресом одной пражской гостиницы:

«Дорогой мой Уильям!

Пожалуйста, не держите на меня зла. Я был вынужден уехать из Берлина крайне спешно и втайне, что само по себе никак не позволило мне с Вами снестись. Та маленькая *операция*, о которой я Вам говорил, оказалась, к сожалению, нимало не удачной, и доктор мне прописал немедленную *перемену климата*. И в самом деле, берлинская атмосфера сделалась в последнее время настолько *нездоровой*, и в особенности для людей моего склада, что останься я еще хотя бы на неделю – и мне почти наверняка не удалось бы избежать *опасных осложнений*.

Я продал свои *лары* и *пенаты*, а выручку по большей части вынужден был принести в жертву требованиям разнообразных моих приспешников. Впрочем, я не жалею. Все они, за *единственным* исключением, служили мне верно, а что заработано честным трудом, то заработано. Что же касается этого *единственного* исключения, то я не желаю более осквернять своих уст его гнусным именем. Достаточно сказать, что он был и остается *отъявленнейшим* мерзавцем и вел себя соответственно.

Здесьнюю жизнь я нахожу весьма приятной. Кухня вполне приличная; пусть она и не столь хороша, как в моем любимом и несравненном Париже, куда я и намереваюсь в следующую среду направить свои усталые стопы, но все же много лучше всего того, что способен предложить этот варварский Берлин. Не приходится жаловаться и на отсутствие утех, связанных с прекрасным и *жестоким* полом. И я уже распускаю листики, я расцветаю под благостным воздействием удобств цивилизации. И до того, право слово, распустился, что в Париж, боюсь, прибуду едва ли не без всяких средств к существованию. Но это не важно. Мамона грехов человеческих, вне всякого сомнения, с готовностью примет меня в своем обиталище, и если не обеспечит меня на веки вечные, то по крайней мере даст возможность осмотреться и прикинуть, что к чему.

Пожалуйста, передайте мой самый – по-братски – горячий поклон нашему общему другу и прибавьте на словах, что по прибытии я непременно выполню все его многочисленные поручения.

Не задерживайтесь с ответом – порауйте меня своим неподражаемым остроумием.

С чем и остаюсь, искренне Ваш
Артур».

Первым делом я – быть может, без должных на то оснований – разозлился. Мне пришлось признаться себе в том, что чувство, которое я испытывал к Артуру, было в значительной степени чувством собственника. Он был моим открытием, он должен был принадлежать мне безраздельно. Я был страшно обижен: как старая дева, от которой сбежала кошка. Нет, так все-таки нельзя, просто глупо с моей стороны. Артур – сам себе голова и совершенно не обязан отчитываться передо мной в своих поступках. Я, словно родитель, склонный потакать своему ненаглядному чаду, начал подводить под его поведение разумные доводы и, естественно, нашел таковые в избытке. Разве не было ему свойственно определенное благородство? Вынужденный жить в состоянии едва ли не круговой обороны, он тем не менее справлялся со всеми своими неприятностями исключительно в одиночку. Он старательно избегал вовлекать меня в возможные – ожидаемые в будущем – проблемы с властями. В конце концов, сказал он себе, я уеду из этой страны, но Уильяму-то придется остаться здесь и зарабатывать свой хлеб; я не имею права потакать своим личным чувствам за его счет. Я живо представил себе, как Артур в последний раз идет быстрым шагом по нашей улице: с потаенной болью бросает взгляд вверх, на окно моей комнаты: колеблется: печально бредет прочь. Кончилось все это тем, что я сел и написал ему письмо, милое и непринужденное; я не стал задавать вопросов, да и вообще, постарался избежать каких бы то ни было оговорок, способных одного из нас скомпрометировать. Фройляйн Шрёдер, которую новость об отъезде Артура весьма расстроила, добавила длинный постскрипtum. Он не должен забывать о том, писала она, что *есть* в Берлине дом, где ему всегда будут рады.

Любопытство мое осталось, мягко говоря, неудовлетворенным. Логичнее всего было бы расспросить обо всем этом Отто, но – где его искать? Я решил для начала зайти к Ольге. Насколько мне было известно, Анни снимала там комнату.

В последний раз я видел Ольгу во время той самой вечеринки, в середине новогодней ночи; однако Артур, который время от времени между делом к ней заходил, достаточно много мне о ней рассказывал. Подобно большинству людей, умудрившихся даже в тогдашние лихие времена как-то сводить концы с концами, она была дама на все руки. «Если не слишком деликатничать», – как любил говаривать Артур, она была сводней, торговала кокаином и занималась скупкой краденого; кроме того, она сдавала жилье внаем, стирала и под настроение замечательно вышивала. Артур показал мне однажды салфетку, которую она вышила ему в подарок на Рождество: это было настоящее произведение искусства.

Дом я отыскал без всякого труда и прошел через арку во внутренний дворик. Он был глубокий и узкий, как поставленный на попа гроб. Причем поставлен этот гроб был вверх ногами, поскольку чем выше был этаж, тем заметней выдавались навстречу друг другу фасады. На самом верху серый квадрат неба был схвачен решеткой из массивных деревянных балок, которые, перекрыв двор, выступали в роли распорок. Здесь же, внизу, куда даже в ясный летний полдень никак не доходили солнечные лучи, царил глубокий полумрак, как в горном ущелье. Три стороны двора глядели окнами; с четвертой высилась бесконечная глухая стена высотой около восьмидесяти футов, чья оштукатуренная поверхность вздулась пузырями и полопалась, оставив незаживающие, забитые печной сажей язвы. У подножия этого жутковатого обрыва стояла чудная маленькая будка – вероятнее всего, наружный нужник. Рядом с ней лежала сломанная тачка с одним колесом и висело отпечатанное типографским способом объявление, выцветшее до полной неудобочитаемости, с указанием часов, когда обитателям многочисленных здешних квартир разрешалось выбивать ковры.

На лестнице даже сейчас, в середине дня, было темным-темно. Спотыкаясь и считая этажи, я поднялся наверх и постучал, очень надеясь, что не ошибся дверью. Послышался шорох

тапочек, звякнули ключи, и дверь приоткрылась, самую малость, насколько позволяла накинутая цепочка.

– Кто там? – спросил женский голос.

– Уильям, – сказал я.

Имя не произвело ровным счетом никакого впечатления. Дверь задумчиво дрогнула и начала закрываться.

– Друг Артура, – торопливо добавил я, пытаясь сделать так, чтобы мой голос вызывал доверие. Собеседницы своей я не видел совершенно: в квартире было хоть глаз коли. Такое впечатление, что говоришь в исповедальне со священником.

– Погодите минутку, – сказал голос.

Дверь закрылась, и тапочки заширкали куда-то прочь. Потом, судя по звуку шагов, вышел кто-то другой. Дверь снова отворилась, и в узкой прихожей зажегся свет. На пороге стояла Ольга, собственной персоной. Ее могучее тело было завернуто в кричаще яркое кимоно, и она носила его с достоинством жрицы, облаченной в ритуальные одежды. Я совершенно забыл, какая же она в действительности огромная.

– Ну? – сказала она. – Вам чего?

Она меня не узнала. И имела все основания принять меня за сыщика. Тон у нее был агрессивный и резкий; ни малейшего следа неуверенности или испуга. Своих врагов она привыкла встречать в полной боевой готовности, сколько бы их ни оказалось. Взгляд ее холодных голубых глаз, неусыпно бдительных, как у тигрицы, скользнул поверх моего плеча в сумеречный колодезь лестницы. Она проверяла, нет ли за моей спиной кого-то еще.

– Могу я поговорить с фройляйн Анни? – вежливо спросил я.

– Нет. Она занята.

Тем не менее мой английский акцент несколько ее успокоил; она коротко добавила: «Заходите», повернулась и пошла в гостиную – с полным ко мне безразличием, из чего я сделал вывод: наружную дверь мне придется закрыть самому. Так я – смиренно – и сделал и двинулся за ней следом.

На столе в гостиной стоял Отто в одной рубашке и возился с переделанной газолиновой горелкой.

– Ба, да это же Вилли! – воскликнул он, прыгнул со стола и так огрел меня по плечу, что чуть не сшиб с ног.

Мы обменялись рукопожатием. Ольга опустилась на стул, лицом ко мне, неспешно и с таким зловещим достоинством, как предсказательница судеб. На вздувшихся ее запястьях нестройно звякнули браслеты. Меня вдруг заинтересовал ее возраст; может статься, ей всего-то лет тридцать пять, не больше: на одутловатом, лоснящемся лице нет ни единой морщинки. Не то чтобы мне хотелось делиться с ней всем тем, что придется сказать Отто, но, судя по всему, двигаться с места до тех пор, пока я не уйду, она не собиралась. Ее голубые кукольные глаза не мигая бесстыднейшим образом уставились в мои:

– А раньше я нигде не могла вас видеть?

– В этой самой комнате, – сказал я, – сильно пьяным.

– Так-так. – Ее грудь заколыхалась в полной тишине. Она смеялась.

Выдержав долгую паузу, я спросил Отто:

– Вы видели Артура до того, как он уехал?

Да, Анни и Отто оба видели его, хотя, похоже, по чистой случайности. Они заглянули к нему в воскресенье после обеда: Артур как раз укладывал чемоданы. Сплошные телефонные звонки и беготня туда-сюда. Потом объявился Шмидт. Они с Артуром ушли в спальню о чем-то переговорить, и вскоре до Анни с Отто донеслись их громкие и злые голоса. Из спальни вышел Шмидт, за ним следом – Артур, он был в ярости, но в ярости бессильной. Отто так и не смог окончательно разобраться, в чем, собственно, было дело, но речь шла о бароне и о каких-

то деньгах. Артур вышел из себя из-за того, что Шмидт что-то такое сказал барону; Шмидт же то поливал его презрением, то принимался оскорблять. Артур крикнул ему: «С вашей стороны это не только чернейшая неблагодарность, это еще и чистой воды предательство!» Эту фразу Отто запомнил совершенно точно. Она, судя по всему, произвела на него особенное впечатление; возможно, в силу того что в его представлении слово «предательство» имело четко выраженный политический привкус. В общем, он принял как данность, что Шмидт каким-то образом предал коммунистическую партию. «В первый же раз, как я его увидел, я сказал Анни: „Не удивлюсь, если его послали шпионить за Артуром. И еще эта его огромная раздутая башка – просто вылитый наци“».

То, что за этим последовало, лишний раз утвердило Отто в его мнении. Шмидт уже совсем было собрался уходить, но потом обернулся и сказал Артуру: «Ладно, я ухожу. Оставляю вас на милость ваших распрекрасных дружков-коммунистов. А вот когда они вытянут из вас все до последнего пфеннига...»

Далее он не договорил. Потому что Отто, который был сильно озадачен всем этим разговором и услышал наконец хоть что-то внятное, на что можно было всерьез обидеться, выволок Шмидта из квартиры за шиворот и, от души отвесив ему пинка под зад, спустил с лестницы. На пинке Отто остановился особо, с любовью и гордостью. Это был один из лучших пинков за всю его жизнь, пинок вдохновенный, рассчитанный и исполненный превыше всяких похвал. Он очень старался, чтобы я понял, куда и каким образом пришелся удар. Он заставил меня встать и слегка дотронулся большим пальцем ноги до моей ягодицы. Я понимал, какого труда ему стоит сдержаться и не повторить свой подвиг, а потому чувствовал себя не очень уютно.

– Честное слово, Вилли, ты бы слышал, как он грохнулся! Трах! Бах! Бабах! Он, наверное, с минуту не мог понять, где он и что с ним случилось. А потом разревелся, ну прямо как ребенок. Я над ним смеялся до полного изнеможения, так что меня можно было с лестницы столкнуть одним пальцем.

И Отто стал смеяться, как смеялся в тот день. Смех его шел от души, и не было в нем ни на грош жестокости или злобы. К побитому Шмидту он не испытывал никаких неприязненных чувств.

Я спросил, не было ли с тех пор о нем слышно чего-нибудь еще. Отто не знал. Шмидт поднялся на ноги медленно и с явным трудом, пробормотал сквозь слезы какую-то невнятную угрозу и пошел, прихрамывая, вниз по лестнице. А Артур, который все это время держался на почтительном расстоянии, с сомнением покачал головой и принялся журить Отто: «Знаете, вам, наверное, не следовало этого делать».

– У Артура слишком доброе сердце, – прибавил Отто, добравшись до окончания своей истории. – Он верит всем на свете. И какая, спрашивается, ему за это благодарность? Никакой. Вечно его надувают и предают.

Чем ответить на это последнее замечание, я так и не нашелся. И сказал, что мне пора идти.

Ольгу что-то во мне откровенно забавляло. Бюст ее тихо подрагивал. Когда мы вышли в прихожую, она вдруг ни с того ни с сего ущипнула меня за щеку, неторопливо и крепко, как будто срывала с дерева сливу.

– Экий ты славный парнишка, – грубовато хохотнула она. – Давай-ка заходи сюда как-нибудь вечером. Я тебя кой-чему научу, о чем ты и понятия не имеешь.

– Надо тебе и правда как-нибудь попробовать с Ольгой, Вилли, – совершенно серьезно посоветовал Отто. – Оно того стоит.

– Не сомневаюсь, – вежливо ответил я и поспешил вниз по лестнице.

Несколькими днями позже мы договорились встретиться с Фрицем Венделем в «Тройке». Я пришел порядком раньше намеченного срока, сел у стойки и обнаружил на соседнем табурете барона.

– Привет, Куно!

– Добрый вечер.

Он чопорно склонил голову с гладко зализанными волосами. К моему удивлению, он будто бы и вовсе был не рад меня видеть. Скорее наоборот. Его монокль отблескивал с убийственно враждебной вежливостью; свободный глаз уклончиво блуждал.

– Сто лет вас не видел, – радостно сказал я, пытаюсь сделать вид, что невиннейшим образом не заметил этой его манеры.

Его взгляд прошелся по залу; он откровенно взывал о помощи, но на его зов никто так и не откликнулся. В заведении в столь ранний час было практически пусто. Бармен ненавязчиво двинулся в нашу сторону.

– Выпьете чего-нибудь? – спросил я. Мое общество явно его не радовало, и это начинало меня занимать.

– Э – нет, спасибо, ничего. Видите ли, мне уже пора.

– Как, герр барон, вы нас покидаете – так скоро? – учтиво вставил бармен; сам того не желая, он поставил барона в еще более неловкое положение. – Но вы же пробьили у нас всего минут пять, не больше.

– С вами, часом, не связывался Артур Норрис? – Во власти преднамеренного злого умысла, я даже и не думал обращать внимание на его попытку встать с табурета. А если я слегка не отодвинусь, встать у него не получится.

При звуке этого имени Куно аж вздрогнул:

– Нет. – Тон у него был ледяной. – Ничего о нем не слышал.

– Вы знаете, он сейчас в Париже.

– В самом деле?

– Ну что ж, – сердечнейшим образом сказал я, – не смею вас больше задерживать. – И протянул ему руку. Он едва до нее дотронулся.

– До свидания.

Вырвавшись наконец на свободу, он пулей метнулся к двери: как из чумного барака, ни дать ни взять. Бармен, сдержанно улыбнувшись, собрал монеты и высыпал их в кассу. Не в первый раз он видел, как осаживают попрошаек.

А на мою долю осталась очередная загадка.

Подобно длинному поезду, который останавливается на каждом вшивом полустанке, зима понемногу катилась к концу. Каждую неделю выходили новые чрезвычайные законы.²⁸ Брюннинг²⁹ голосом усталого епископа продолжал отдавать приказы лавочникам, но никто его не слушал. «Это фашизм», – жаловались социал-демократы. «Он слабак, – говорила Хелен Пратт. – А этим свиньям нужен настоящий мужчина с волосатой грудью». Был обнаружен Гессенский документ, но по большому счету ни на кого не произвел впечатления. Слишком много скандалов, и этот был уже лишним. Публика устала и обьелась сюрпризами до полного несварения желудка. Поговаривали, что к Рождеству наци будут у власти; но Рождество настало, а

²⁸ Статья 48 Веймарской конституции давала президенту право в случае прямой угрозы конституционному порядку издавать так называемые чрезвычайные законы, ограничивающие действие самой конституции. Причем решение о том, угрожает ли иная ситуация конституционному порядку, принимал премьер-министр.

²⁹ Генрих Брюннинг – бывший фронтовой офицер, сторонник (в ноябре 1918 г.) восстановления Германской империи вооруженным путем. В 20-е гг. – представитель правого центра. Рейхсканцлер с марта 1930-го. В 1932 г. отправлен в отставку Гинденбургом, только что выигравшим, не без помощи Брюннинга, президентские выборы.

наци к власти так и не пришли. Артур прислал мне к празднику поздравления на открытке с Эйфелевой башней.

Берлин жил в состоянии гражданской войны. Ненависть вспыхивала внезапно, без предупреждения, из ничего; на уличных перекрестках, в ресторанах, синематографах, дансинг-холлах, плавательных бассейнах; в полночь, после завтрака, посреди бела дня. Выхватывались ножи, в ход шли кастеты, пивные кружки, ножки от стульев и дубинки с залитым внутрь свинцом; пули царапали плакаты на афишных тумбах, рикошетили от жестяных крыш общественных уборных. Посреди людной улицы на человека могли напасть, порвать на нем одежду, избить и оставить его, истекающего кровью, лежать на тротуаре; пятнадцать секунд – и все кончено, и нападавшие скрылись. Отто получил удар бритвой через глазницу наискосок в драке на базарчике возле Кёперникерштрассе. Врач наложил три шва, и ему пришлось провести в клинике целую неделю. Газеты полнились снимками с похорон святых мучеников: нацистов, рейхсбанновцев,³⁰ коммунистов. Мои ученики глядели на них и качали головами, извинялись передо мной за то, что творится в Германии. «Боже, боже мой, – говорили они, – какой ужас! Так не может больше продолжаться».

Репортеры, специализирующиеся на убийствах, и авторы джазовых песенок безнадежно девальвировали немецкий язык. Словарь газетной брани (предатель, лакей Версаля, свинья и убийца, марксистский жулик, гитлеровская зараза, красная чума) стал напоминать – из-за частотности употребления – те общеобязательные формы вежливости, которые в ходу у китайцев. Слово *Liebe*, воспарив над языком Гёте, не стоило теперь и поцелуя шлюхи. *Весна, луна, юность, розы, девушка, милый, сердце, май* – этой обесцененной до последнего предела монетой торговали теперь сочинители бесчисленных танго, вальсов и фокстротов, те, кто всегда готов был предложить вам выход – к счастью, сугубо частному. Найди себе славную крошку, советовали они, и позабудь о кризисе, не обращай внимания на безработных. Лети, тянули они за рукав, лети на Гавайи, в Неаполь, в Никогда-На-Свете-Вену. Хугенберг,³¹ который стоял за УФА,³² подавал публике национализм на любые вкусы. Он выпускал на экраны эпические батальные полотна, фарсы из солдатской жизни и оперетты, где веселые проделки военной аристократии начала века были переодеты по вкусу 1932 года. На него работали великолепные режиссеры и операторы, которым приходилось цинически пускать весь свой талант на то, чтоб показать, как прекрасны цепочки пузырьков в шампанском и как играет на шелке яркий свет ламп.

И каждое утро во всем этом огромном, сыром, безотрадном городе и в притулившись к нему по окраинам колониях сколоченных из ящиков лачуг просыпались молодые люди, просыпались, чтобы хоть как-то скоротать еще один пустой, без смысла и без работы день; они отправлялись торговать шнурками, попрошайничать, играть в шашки в зале биржи труда, околачиваться возле общественных уборных, открывать дверцы авто, ворочать на рынках клетки с товарами, сплетничать, слоняться по улицам, воровать, подслушивать, о чем говорят на бегах

³⁰ То есть «черно-красно-золотых» (по цвету имперского знамени) соци, боевиков социал-демократического «Железного фронта», воевавших как с «красными» («Рот-Фронт») комми, так и с «черно-бело-красными» (по цвету партийного флага) или «коричневыми» (по цвету униформы штурмовых отрядов) наци.

³¹ Альфред Хугенберг – генеральный директор концерна Круппа до конца 1918 г., постоянный член руководства национал-шовинистического «Пангерманского союза», с ноября 1918 г. лидер Немецко-национальной народной партии, политического крыла монархического «Стального шлема». С 1 января 1919 г. уходит с директорского поста у Круппа, чтобы заняться созданием первой в мире информационно-пропагандистской империи. Его «Хозяйственная ассоциация» скупает телеграфные и информационные агентства для того, чтобы контролировать поток информации, попадающей в газеты (вплоть до рассылки готовых матриц – начиная с 1922 г.), скупает сами газеты, издательства и рекламные агентства. Активная пропаганда национализма и реваншизма информационным концерном Хугенберга – даже если не принимать в расчет прямой агитации за национал-социалистов – во многом позволила последним прийти в 1933 г. к власти вполне respectable, демократическим путем, опираясь на волю большинства избирателей.

³² Крупнейшая в Германии компания по производству и прокату кинопродукции. Приобретена концерном Хугенберга в 1927 г.

маклеры, докуривать на двоих подобранные в канавах бычки, петь народные песни во дворах и в вагонах подземки на перегонах между станциями. После Нового года выпал снег, но не лег; о заработке на расчистке улиц можно было забыть. Лавочники вызванивали каждую монету о прилавок, опасаясь фальшивомонетчиков. Астролог фройляйн Шрёдер предсказывала конец света. «Послушай, – говорил мне Фриц Вендель между двумя глотками коктейля в баре отеля «Эдем», – мне плевать, если эта страна ударится в коммунизм. Тогда, по крайней мере, нам придется ампутировать все лишние идеи. Ну и хрен бы с ними, а?»

В начале марта стали появляться агитационные плакаты к президентским выборам. Готическая вязь под портретом Гинденбурга откровенно зывала к религиозным чувствам: «Он был верен вам; сохраните и вы в Него веру». Нацисты умудрились выдумать формулу, которая разом и отсылала к этой достопочтенной иконе, и позволяла избежать обвинения в святотатстве: «Уважьте Гинденбурга; голосуйте за Гитлера».³³ Отто и его товарищи, вооружившись ведерками с краской и кистями, каждую ночь отправлялись в опасные экспедиции. Они взбирались по отвесным стенам, карабкались по крышам, пробирались в заколоченные досками проемы, стараясь при этом не попасться на глаза полиции и патрулям СА.³⁴ А на следующее утро прохожие лицезрели в каком-нибудь видном и совершенно, казалось бы, недоступном месте бесстыднейшим образом намалеванное имя Тельмана. Отто снабдил меня пачкой маленьких листовок с клейкой оборотной стороной: «Голосуйте за Тельмана, кандидата рабочих». Я носил их в кармане и, если меня никто не видел, наклеивал на двери и витрины магазинов.

Брюннинг говорил на митинге во Дворце спорта. Мы должны голосовать за Гинденбурга, сказал он нам, и тем спасти Германию. Он делал резкие увещательные жесты; в свете юпитеров отчаянно сверкали его очки. В голосе у него дрожала сухая академическая страстность. «Инфляция», – пугал он, и аудиторию бросало в дрожь. «Танненберг»,³⁵

³³ На президентских выборах 1932 г. нацисты выставили кандидатуру Гитлера в противовес Гинденбургу, занимавшему этот пост с 1925 г. Кстати, нацистский лозунг, в свою очередь, также был обыгран коммунистами с куда меньшей долей юмора, но зато весьма прозорливо с точки зрения ближайшего политического прогноза: «Кто голосует за Гинденбурга, голосует за Гитлера».

³⁴ Аббревиатура от *Sturmabteilungen* – «Штурмовые отряды».

³⁵ В германской истории так называются два сражения. Одно из них – Грюнвальдское (Грюнвальд-Танненберг) 1410 г., когда соединенное славянское войско под польско-литовским командованием нанесло жестокое поражение Тевтонскому ордену. В августе 1914 г. немцы окружили и уничтожили в том же самом районе (Танненберг-Зольдау) два русских корпуса, обеспечив срыв первоначального русского наступательного порыва и выгодный для себя баланс сил между Восточным и Западным фронтами. Восьмой немецкой армией, победоносно осуществившей эту операцию, командовал Гинденбург. Сразу же после завершения Танненбергской операции Гинденбург был назначен командующим Восточным фронтом, а через полтора-два года фактически стал исполнять обязанности главнокомандующего вооруженными силами всей Германии. Аудиорию впечатляет, естественно, Танненберг 1914 г., как свидетельство блистательного полководческого таланта Гинденбурга и как напоминание о несбывшихся надеждах времен начала Великой войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.